

Иван Гамдюнов

Поручик Ржевский и дама с солонкой

Гусарский детектив

Иван Гамаюнов

**Поручик Ржевский
и дама с солонкой**

«Автор»

2023

Гамаюнов И.

Поручик Ржевский и дама с солонкой / И. Гамаюнов — «Автор»,
2023 — (Гусарский детектив)

Герой этой истории – поручик Ржевский, персонаж из анекдотов, обаятельный хам, которому молва приписывает роман с Наташей Ростовской и ещё 1001 женщиной. В декабре 1825 года поручик Александр Ржевский оказывается в Твери, где вступает в «опасную связь» с роковой красоткой и едва не становится участником восстания декабристов, а также соучастником уголовного преступления. Чтобы выпутаться из этого переплёта, нужна ясная голова, но вот беда – у Ржевского в самые неподходящие моменты пропадает способность думать и рассуждать, особенно при виде женских прелестей... Если бы не богиня Фортуна, поручик легко мог бы стать пешкой в чужой игре и угодить на сибирскую каторгу.

© Гамаюнов И., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава первая,	5
Глава вторая,	19
Глава третья,	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Иван Гамаюнов

Поручик Ржевский и дама с солонкой

Глава первая,

*в которой герой появляется в свете после долгого
отсутствия и, конечно же, заводит роман*

Парадный зал во дворце тверского губернатора, полный народу по случаю рождественского бала, готовился стать местом главного события сезона. Казалось, даже медные крылатые девы со светильниками, стоя на мраморных пьедесталах справа и слева от камина, чего-то ждали. А особы из плоти и крови, наделённые гораздо большей способностью чувствовать, ждали ещё сильнее и потому не могли веселиться как следует.

Полонез, который многие острословы называли не танцем, а прогулкой под музыку, окончился – оркестр играл задорную кадрили. Однако дамы, прыгая по паркету со своими кавалерами, делали это без всякого кокетства, будто находились не на балу, а дома с учителем, помогающим вспомнить движения.

Дамы, которые не танцевали, а сидели на стульях и банкетках вдоль стен, заметно ёрзали и перешёптывались, даже если возраст уже давно не позволял рассчитывать ни на какие амурные приключения.

Читатель, конечно, не поверит, что все особы в зале – от губернаторши до младшей дочки губернского землемера – томились в ожидании, но если даже половина из них не предвкушала и не трепетала, то чёрт побери: во что тогда ценится гусарская слава?!

Многие кавалеры, угадывая особое настроение дам, в очередной раз беспокойно взглянули на двери, ведущие в сторону парадной лестницы. Музыка кадрили ещё не стихла, когда распорядитель бала объявил:

– Ржевский Александр Аполлонович, поручик в отставке.

Только что танцевавшие пары замерли. Веера сидящих дам затрепетали сильнее. По всему было видно, что обещанный губернатором гость, идущий по залу, нисколько не разочаровал женскую часть публики. Поручик Ржевский, хоть и в отставке, для многих оставался предметом грёз.

Пусть со времени окончания войны с Наполеоном, когда слава поручика гремела по обе стороны российской границы, прошло уже десять лет, в герое почти ничего не изменилось. Знаменитые рыжие усы Ржевского никуда не делись, кудрявая шевелюра не поредела, высокая статная фигура не расплылась, а тёмно-синий гусарский мундир Мариупольского полка, хоть и лишённый эполет, будто говорил, что его обладатель по-прежнему готов к баталиям всякого рода.

Казалось невероятным, что Ржевский оставил службу, но и для самого поручика история отставки была весьма туманна. Помнил он только то, что после окончания Заграничного похода, когда жизнь потекла в мирное русло, служба в полку становилась с каждым годом скучнее. А в довершение всего сменилось начальство – место уважаемого всеми Дымчевича занял Снарский.

Новое начальство принялось выдумывать дурацкие, ни к чему не приводящие способы поддержания дисциплины, поэтому однажды поручик так прямо и сказал в собрании офицеров, что исполнять «дурацкие приказы» не намерен. Он ожидал, что это дойдёт до Снарского и над головой засверкают молнии, однако грозы не последовало. Ржевский продолжал свою

обычную жизнь: днём – учения, а вечером – карты, попойки и цыганки... Но через полгода был вызван к начальству, которое с ехидной улыбкой сообщило, что прошение об отставке «за ранами и болезнями» удовлетворено.

Какое прошение? Ржевский готов был поклясться, что ничего такого у него и в мыслях не было! «За минувший год я никаких бумаг не сочинял и ничего кроме долговых расписок не подписывал!» – подумал он.

Однако полковой писарь, вызванный для объяснений в начальственный кабинет, охотно рассказал, как «полгода назад господин поручик лично диктовали-с, а за услугу за неимением денег-с расплатились дамскою шляпкою-с модного фасону, которая у них в комнате случайно оказалась».

Полковой лекарь также подтвердил, что по просьбе господина поручика составил медицинское свидетельство, которое и было приложено к прошению на высочайшее имя.

– Государь император вашу отставку принял, – продолжало улыбаться начальство, а Ржевский сразу сник. Если бумага дошла до государя, то хоть всю Россию вызови на дуэль, это делу не поможет.

Пришлось удалиться в имение – в деревню Горелово, что подо Ржевом, а там ждала такая скука, в сравнении с которой недавняя служба в полку казалась увлекательной, полной ярчайших впечатлений.

Хотелось поехать в Москву или Петербург, но ездить дальше Ржева не позволяли долги, поэтому все два года, прошедшие с момента отставки, Ржевский развлекал себя так, как только мог на свои скромные средства. Во Ржеве, где заметную часть населения составляли набожные купцы-старообрядцы, заслужил прозвище Рыжего Дьявола. Кроме того весьма пикантным способом вдвое увеличил число своих крепостных. Мужскую половину дворни, независимо от возраста, выучил ходить строевым шагом и докладывать по форме. Перессорился, а затем перемирился со всеми соседями-помещиками. Десять раз инициировал дуэли, которые каждый раз завершались тем, что вызванная сторона приносила извинения и устраивала шикарный обед по случаю примирения.

Увы, все эти забавы позволяли развеять скуку лишь на время. Ржевскому стало казаться, что жизнь его бежит по кругу. Однако в начале очередной зимы, когда грязь на раскисших дорогах схватилась первым морозцем, из Твери приехал странный человек, и с этого начались долгожданные перемены.

Правда, Ржевский сразу не распознал своё счастье и принял гостя весьма настороженно.

Штатский. В коляске. То есть ни к военной службе, ни к кавалерии не имеющий отношения. И всё же этот господин несколько раз повторил, что «бесконечно рад» познакомиться с «самим поручиком Ржевским».

– А вы-то кто, любезнейший? – спросил Ржевский, стоя на крыльце барского дома и покуривая трубку.

Незнакомец назвал незнакомую фамилию, отчего незнакомцем быть не перестал. Но затем выяснилось, что странный субъект – доверенное лицо князя Всеволожского, тверского губернатора, и прислан сюда, чтобы вручить приглашение.

В руках Ржевского очутился конверт, где прятался небольшой твёрдый лист бумаги с золотым обрезом. На листе было написано:

«Князь Всеволожский просит сделать ему честь, пожаловать на бал, для дворянства Тверской губернии устраиваемый, сего декабря 26-го дня 1825 года в губернаторский дворец в 6 часов».

Бал – это хоть и не война, но весьма интересная баталия. Барышни, дамы, очень недурная выпивка и закуска, карты...

Мысль о картах тут же заставила поручика вспомнить о долгах, которые по-прежнему не позволяли выезжать никуда дальше Ржева, не то что в Тверь. Следовало немедленно разо-

быть где-то денег, либо отказаться от приглашения. А у кого занять нужную сумму? На соседей-помещиков надежда была слабая, поэтому Ржевский взглянул в сторону странного субъекта с меньшей неприязнью, чем в начале разговора. Раз это доверенный человек губернатора, да ещё и «бесконечно рад» знакомству, то займы у него наверняка найдётся.

«Чёрт поberi! Кажется, Фортуна снова улыбается!» – подумал Ржевский и запоздало пригласил гостя в дом, а там домашняя водка и поданные к ней разносолы сделали своё дело. Через три часа гость уже именовал поручика «друг», а значит – можно было заводить речь о деньгах.

Для начала Ржевский просто пожаловался на стеснённость в средствах, но тут оказалось, что «князь Всеволожский осведомлён об этой беде».

– Его сиятельство готов предоставить необходимую сумму, – радостно сообщило доверенное лицо, уже раскрасневшееся от выпитой водки.

– Под расписку? – спросил Ржевский, наполняя рюмку собеседника.

– Без расписки. Просто под ваше честное слово, – всё так же радостно пояснило доверенное лицо. – Обязанность губернатора – заботиться о нуждах жителей губернии. А особенно – таких известных жителей как вы, мой друг.

– Деньги нужны мне скоро, – смущённо признался поручик, после чего радость доверенного лица перешла в восторг:

– Об этом его сиятельство тоже догадывался! Деньги у меня с собой.

И вот в декабре 26-го дня Ржевский, хоть и с опозданием, явился на губернский бал. Оценив количество трепещущих вееров, поручик был очень рад открывающимся перспективам, но что-то подсказывало: такое счастье не может быть совершенно безоблачным и от Фортуны следует ждать подвоха.

* * *

Несомненно, на этот бал собрались все красавицы губернии. Разнообразие выбора впечатляло, но правила вежливости не позволяли гостю немедленно ринуться в атаку. Сначала следовало подойти к хозяину дома, чтобы благодарить за приглашение.

Объявив Ржевского по всей форме, распорядитель бала сразу указал поручику на благодетеля – невысокого господина, ещё не старого, но с седыми кудрями, напоминавшими напудренный парик прошлой эпохи. Князь Всеволожский смотрел на всех с каким-то сонным и скучающим видом, чем производил не очень приятное впечатление, но поручик, помня об одолженной сумме, всё же решил для себя, что губернатор – человек добрый и великодушный.

При виде Ржевского скучающий князь сразу оживился, любезно выслушал благодарности и представил свою супругу, француженку, вполне привлекательную, которая, пока гость прикладывался к её ручке, любезно осведомилась (с акцентом, но по-русски) «хорошо ли доехали».

Такие светские разговоры долго не длятся, а француженка, если приглядеться, была не так уж привлекательна, поэтому Ржевский краем глаза покосился в залу, полную трепещущих вееров, к которым, кажется, уже добавилось трепетание ресниц.

Баталия предстояла интересная. Кровь вскипела, как перед настоящей битвой, но тут губернатор произнёс:

– Пользуясь случаем, поручик, познакомьтесь. Это моя племянница, Таисия Ивановна...

Ржевский взглянул на Всеволожского, а затем проследил за направлением его взгляда – князь смотрел куда-то в сторону супруги, но чуть правее.

Богиня Фортуна, незримо присутствовавшая в зале, в этот миг, должно быть, звонко рассмеялась и упорхнула прочь, взмахнув юбками.

– Тасенька, не тушуйся, – нарочито ласково сказала губернаторша.

И вот из-за округлого белого плеча губернаторши, обрамлённого нежно-розовым шёлком платья, выглянуло существо, которое поручик затруднился бы хоть как-нибудь обрисовать, потому что взгляду зацепиться было решительно не за что.

«А вот и подвох! Эх, Фортуна-шутница! – подумал Ржевский. – Я ещё не успел открыть меню, а мне уже предлагают уплатить по счёту». Теперь причина доброты князя Всеволожского стала ему понятна, как и то, что над головой нависла угроза женитьбы.

По светским правилам полагалось пригласить Тасеньку на следующий танец, а также следовало опасаться, что губернаторша попросит своего гостя сопровождать это существо на банкет, который всегда устраивают в середине бала.

Ржевский чувствовал, будто над головой уже держат свадебный венец, однако ещё не всё пропало. «Танцевать с ней сегодня более трёх танцев они меня не заставят», – твёрдо сказал себе поручик, но следовало ни в коем случае не сбиться со счёта. Один лишний танец сверх трёх положенных по этикету – и ты жених!

* * *

Грянул вальс. Ржевский кружился с племянницей губернатора по залу, при этом чувствуя себя престранно. Поручику казалось, что он танцует один, потому что всякий раз, когда взгляд падал туда, где должно находиться лицо партнёрши, там как будто бы не оказывалось ничего. Ржевский смотрел и не видел, а вместо этого видел, что в соседней паре белокурая дама, раскрасневшаяся от танца, очень даже ничего. А вон в другой паре – премилая брюнетка с точёным овалом лица. Карие глаза горят жадой амурных приключений, и кажется, этот взор даже обратился в сторону поручика. Судя по всему, Амур сегодня действовал не в согласии с Фортуной и по своему усмотрению уже выпустил несколько стрел в женские сердца.

Ржевский дал себе слово непременно пригласить брюнетку на один из следующих танцев, а если у неё все танцы расписаны, то и это не препятствие.

При таком повороте дела следовало выяснить имена хотя бы нескольких счастливцев, которым предстоит танцевать с этой красавицей. А дальше – найти их и вывести одного из них из игры, на что есть много способов. Например, случайно опрокинуть на соперника поднос, находящийся в руках у официанта, проходящего мимо. Ведь невозможно же танцевать с дамой, когда жилет залит вином или измазан мороженым.

Можно также запереть соперника в уборной, чтобы не успел к началу танца, а если соперник узнает, кто так подшутил, и вызовет шутника на дуэль – значит, стреляться! Но за танец с по-настоящему красивой женщиной не страшно рискнуть головой.

– Вы молчаливы, поручик, – послышался голос рядом.

Ржевский вынырнул из мира грёз:

– А?

– За время танца вы не произнесли ни слова, – продолжал голос.

Лишь теперь Ржевский понял, что это говорит Тасенька, племянница губернатора, и что она мягко упрекает кавалера за неучтивость, ведь с дамой во время танца положено беседовать.

– Простите меня, – пробормотал поручик. – Давно не был в свете. За два года в деревенском болоте сам стал деревенщиной.

– Что вы! – возразила партнёрша. – Вы танцуете как светский человек.

Ржевскому невольно вспомнился вечер у соседа в имении, состоявшийся месяц назад. Там собралось несколько семейств с жёнами и дочками.

Под звуки дребезжащего фортепиано поручик танцевал со всеми дамами и девицами, а они говорили: «Вы танцуете прекрасно». Но объяснить эти похвалы было очень просто – мужская часть собрания, рассеявшаяся по креслам и диванам, предпочитала седалищ не поднимать.

Лишь одному юноше, младшему сыну хозяина, всё не сиделось, но танцевать он не умел, а только скакал и прыгал возле партнёрши. С такими-то соперниками любой покажется умелым танцором! И даже в Твери вряд ли было лучше.

Среди чиновников и помещиков в губерниях всё сильнее укоренялось мнение, что хорошо танцевать положено светским хлыщам и гусарам, а серьёзному человеку довольно, если он танцует хоть как-нибудь. К чему эта наука, если танцы полезны только девицам на выданье, которым надо себя показывать! И пусть многие дамы думали иначе и всячески старались тянуться за высшим светом, общего положения дел они изменить не могли, так что Ржевскому, два года не имевшему достойной практики в танцах, всё равно не удалось бы осрамиться.

– Дядюшка мне говорил, что вы два года не просто жили в деревне, а стали затворником и выезжали только во Ржев, – подала голос Тасенька, заметив, что кавалер опять витает в облаках.

Поручик молчал, изображая из себя деревенщину. Будь с ним сейчас другая дама, он бы наговорил целый ворох комплиментов, но воображаемый свадебный венец по-прежнему висел над головой, а поручику вовсе не хотелось, чтобы венец стал настоящим.

– Отчего же вы за два года ни разу не приехали в Тверь? – допытывалась Тасенька.

«Денег не было», – мысленно ответил Ржевский, но вслух лишь вздохнул – скорбно и многозначительно.

Наконец вальс окончился, а это значило, что поручик может быть свободен, как только пристроит куда-нибудь свою недавнюю партнёршу. Но куда? Вести её обратно к дядюшке-губернатору? Опасно.

– А где же ваши родители, Таисия Ивановна? – спросил Ржевский. – Они здесь, на балу?

Когда он вёл Тасеньку под руку, ему казалось, что окружающие дамы смотрят на него чуть не со слезами, искренне сострадая его печальной участи.

– Нет, они в имении, – меж тем последовал ответ. – А я гощу у дядюшки.

«Проклятье!» – подумал Ржевский, но тут Фортуна, недавно потешавшаяся над ним, сама пришла ему на помощь.

– Тасенька, – донеслось откуда-то сбоку. Там в углу, возле высокого окна, в котором уже ничего не было видно кроме ночной темноты, сидели на банкетке две старушки.

Поручик тут же развернулся в их сторону, а старушки продолжали:

– Смотри, какого кавалера себе нашла... Кто он?

– Ржевский Александр Аполлонович, поручик в отставке, – отрекомендовался кавалер, коротко поклонившись и прищёлкнув каблуком.

Старушки что-то ответили, а в это время к ним подошёл официант, которого Ржевский успел позвать до того, как начал представляться.

На подносе у официанта красовались бокалы с игристым вином и креманки с мороженым. В обычных условиях поручик предложил бы своей даме шампанского, но Тасеньке...

– Мороженого? – спросил он.

– Да, – ответила та, и в её голосе явно слышалось что-то от ребёнка, услышавшего про любимое лакомство.

Получив из рук поручика креманку, она на мгновение опустила взгляд, чтобы взять торчащую из креманки серебряную ложечку... и этого мгновения Ржевскому хватило, чтобы бесследно исчезнуть в толпе.

* * *

Оркестр играл галоп, но красавица-брюнетка, недавно замеченная Ржевским, в этот раз не танцевала – наверное, чтобы перевести дух. Вокруг неё могло бы собраться много кавалеров, развлекающих прелестницу разговорами о местном театре, столичных новостях и прочей

ерунде, но всех отпугивал мрачный субъект в тёмно-зелёном мундире губернского чиновника. Судя по всему, муж. Склонившись к уху дамы, он что-то весьма строго ей шептал.

Ничто не мешало поручику приблизиться к этой паре и представиться. Правда, представляться самому считалось не слишком вежливым, однако Ржевского это обстоятельство не смущало, как и мрачный спутник брюнетки. Тем более что она опять бросила на Ржевского благосклонный взгляд.

Муж – не мальчишка, которого всегда можно отослать с поручением, потому что «дама желает» шампанского, фруктов, мороженого или сладостей. Но на случай, если придётся иметь дело с подобными церберами, у поручика Ржевского имелось две стратегии. И обе беспроигрышные!

Если спутник красавицы – военный, следовало представиться и затем спросить его: «Не встречались ли мы случайно перед битвой при Бородине?» и добавить: «Вижу в вас как будто знакомые черты». До Бородина Ржевский ещё не обрёл свою громкую славу, поэтому собеседник запросто мог поверить, что уже видел «того самого Ржевского», но не запомнил.

Если же спутник красавицы – штатский, следовало спросить: «Не доводилось ли нам видеться на вечере у великой княгини Екатерины Павловны?» Ведь все знали, что когда-то она была замужем за одним из прежних тверских генерал-губернаторов и часто устраивала вечера, собирая множество гостей. Это происходило задолго до Отечественной войны и Бородина, поэтому стать заметным гостем Ржевский не сумел бы, но теперь это играло ему на руку.

Знаменитые вечера Екатерины Павловны проводились в этом самом дворце, где теперь шумел бал, а больше о тех временах никто ничего достоверно не помнил, ведь прошло уже тринадцать лет. С тех пор Екатерина Павловна успела овдоветь, навсегда покинуть Тверскую губернию и даже обзавестись новым супругом, так что поручик, который лишь однажды случайно попал в гости к великой княгине, мог смело притворяться давним знакомцем это обстоятельство, конечно, не мешало.

Ржевский представился церберу, стерегущему очаровательную брюнетку, а в ответ услышал фамилию, совершенно не знакомую – Тутышкин, но притворяться давним знакомцем это обстоятельство, конечно, не мешало.

– Моя жена – Софья Петровна, – сказал цербер после того, как представился сам.

– Счастлив видеть вас, – ответил поручик, прикладываясь к ручке дамы, и теперь настало время спросить: – Не доводилось ли нам с вами, господин Тутышкин, видеться на вечере у великой княгини Екатерины Павловны?

– Не припомню, – сухо ответил тот.

– Но как же! – нарочито удивился поручик. – Вы же были в тот вечер, когда Карамзин читал своё сочинение? Как бишь оно называлось?

– «История государства Российского».

– Вот-вот. Оно!

– В тот вечер я приглашён не был, – всё так же сухо произнёс Тутышкин.

– Тогда откуда знаете, что там читалось?

– Других сочинений Карамзина не помню.

– Но мне кажется, я видел вас! – не отставал поручик: – И, полагаю, что если бы рассказал вам о событиях того вечера, вы бы хлопнули себя по лбу и сказали: «Конечно же, я там был».

– Не стану хлопать себя по лбу, – сказал Тутышкин, но Ржевский как будто не слышал:

– У Карамзина в сочинении было кое-что про Рюрика, и вот когда чтение дошло до того отрывка, я объявил всем собравшимся, что Ржевские ведут свой род прямо от Рюрика.

– Не присутствовал, к сожалению, на том вечере, – повторил собеседник, а Софья Петровна, явно подстреленная Амуром, в очередной раз бросила на поручика одобрительный взгляд.

– Великая княгиня, – продолжал болтать Ржевский, – тогда улыбнулась мне и сказала: «Историю вашего рода мы в другой раз слушаем».

– Очень интересно, – произнёс Тутышкин, – но моя жена устала и как раз перед вашим приходом просила меня отвести её в буфет.

– О! Я сам принесу Софье Петровне из буфета всё, что она пожелает.

– Можете не утруждаться.

– Но я ещё не рассказал вам историю своего рода!

Отставать от этой пары поручик не собирался, так что, следуя за ними в сторону буфета, болтал без умолку:

– У Рюрика было двое братьев. Один с синими усами...

– С синими усами? – удивлённо переспросила Софья Петровна.

– Да, сударыня, – тут же кивнул Ржевский, довольный, что смог увлечь даму беседой. – Его же так и звали – Синеус. А другой Рюриков брат имел усы самые обычные... но был он, правду сказать, плохо воспитан и вообще свинья.

Поручик выразительно посмотрел в сторону мужа Софьи Петровны, давая понять, что о плохих манерах заговорил не случайно, и Тутышкин, кажется, понял. И даже предпринял контратаку.

– А какого же цвета были его «самые обычные» усы? – спросил он, приглядываясь к усам поручика. – Может, рыжие?

– Нет, совершенно точно не рыжие, – возразил Ржевский. – Светлые... или тёмные, – поправился он, глядя на усики своего собеседника. – И был этот брат не только свинья, но и вор!

– Да отчего же вор? – Тутышкин явно не ожидал такой дерзости. Мгновение назад он решительно шествовал с женой в сторону буфета, а теперь резко остановился. – Объяснитесь, поручик.

– Да оттого, что имя у него такое было, – непринуждённо отвечал Ржевский.

– Не понимаю вас.

– Так звали же его Фрувор, – улыбнулся поручик. – Только вслушайтесь в это имя: Фрувор.

Тутышкин, судя по всему, решил сделать вид, что не понял прозрачного намёка:

– Вы как-то странно выговариваете звук «т». Насколько мне известно, второго Рюрикова брата звали Трувор.

– Нет, Фрувор! – настаивал Ржевский.

– У Карамзина так написано.

– А откуда вы знаете, если сами говорили, что на том вечере, когда Карамзин читал своё сочинение, вас не было?

– Я книгу купил. Вот и знаю.

– То есть вы утверждаете, что история моих предков вам известна лучше, чем мне? – нарочито рассердился Ржевский. – Нет, милостивый государь. Мне лучше знать! Фрувор – так звали этого мерзавца! Потому что на любые слова он презрительную рожу корчил. Вот как вы сейчас. И отвечал так, знаете, недовольно, с фырканьем: «фру-фру-фру». Как свинья! И руки имел загребушие. Вор, короче говоря. Но, слава Богу, род Ржевских не от него произошёл, а от Рюрика, который был человеком во всех отношениях порядочным.

Тутышкин, кажется, дар речи потерял – настолько поразился наглостью собеседника. Поэтому Ржевский решил, что сейчас самое время нанести решающий удар:

– Господин, Фруфрышкин, позвольте пригласить вашу супругу на следующий танец.

И в этот самый миг Фортуна, незримо присутствующая при разговоре, снова рассмеялась, потому что из толпы вынырнул какой-то хлыщ в чёрном фраке, пошитом весьма недурно.

– Ах, вот вы где! – воскликнул хлыщ, обращаясь к Софье Петровне. – Надеюсь, вы помните, о прекраснейшая из всех замужних фей, что обещали мне эту кадрили?

Заиграл оркестр, а значит, всем, кто собирался сейчас танцевать, не следовало мешкать.

Брюнетка виновато посмотрела на поручика и с нарочито приветливой улыбкой подала руку хлыщу, однако Ржевский, конечно же, не думал сдаваться:

– А на следующую мазурку я могу вас пригласить? – спросил он.

Брюнетка печально покачала головой.

– Увы, поручик. Этот танец уже обещан.

– А на котильон¹?

Карие глаза дамы, казалось, умоляли о прощении:

– Этот танец я тоже обещала.

– Но я продолжаю надеяться, что свободно хоть что-то! – Ржевский заслонял хлыщу дорогу, не давая увести даму.

– Оставьте надежду, поручик. – Софья Петровна достала из ридикюля записную книжку и открыла, а Ржевский впился взглядом в строчки, изучая имена своих врагов.

Правда, всё прочесть не успел, да и почерк у дамы был не слишком разборчивый, поэтому, когда книжка захлопнулась и отправилась обратно в ридикюль, в памяти осталось немного:

«Кадриль – Петушкевич Александр. Вот как зовут этого хлыща во фраке!

Гавот – Ру... может, Русинов, а может, Русаков.

Снежная буря – чёрт его знает, кто там был записан.

Кадриль – Замовский Иван... а может, Зимовский.

Менуэт – опять Петушкевич!

Галоп – кто-то там на букву «Н» или «В». Неверов... или Веверов. Ну и почерк!

Вальс – не успел прочитать.

Кадриль – не успел прочитать.

Мазурка – Никодимов Пётр.

Котильон – Бенский Сергей».

И всё же этими обрывочными сведениями, добытыми с боем, Ржевский остался доволен и потому без сожаления смотрел, как Софья Петровна удаляется под руку с хлыщом, щеголяющим в чёрном фраке. Если узнал, с кем дама танцует мазурку и котильон, то можно действовать!

Баталия разворачивалась интересная. Крепость Софья издали постреливала глазами в осаждающего, метя в самое сердце, но не с целью убить – она лишь дразнила. А поручику, чтобы ворваться в эту крепость, следовало преодолеть неприятельский заслон. С одной стороны находился Тутышкин, а с другой... Как там было в предпоследней строчке Софьиных записей? Никодимов!

Обдумывая ход будущей баталии, Ржевский решил, что сначала надо атаковать именно того, кто застолбил себе мазурку, то есть Никодимова. После мазурки бал всегда прерывается банкетом, а кто танцевал с дамой мазурку, тот имеет право сопроводить прелестницу к столу и во всё время банкета сидеть рядом с ней. А муж... Муж – не воз груш, можно и подвинуть.

Вот почему, составляя план баталии, Ржевский мысленно обозвал Тутышкина пехотой, ведь она не считается большим препятствием для гусарской кавалерии. Зато Никодимов, пригласивший крепость Софью на мазурку, особенно если он офицер, да ещё танцует недурно, мог считаться вражеской конницей, с которой придётся схлестнуться.

Главное – в пылу боя не попасть в засаду, устроенную губернатором. Всеволожский, которого следовало отнести к необученным ополченцам, засаду организовал плохо. Но тем досаднее было бы в неё угодить! Участь губернаторского пленника незавидная – передадут Тасеньке, и из этого плена придётся бежать, чтобы вернуться на поле боя.

¹ Котильон – танец продолжительностью 1-2 часа, состоящий из элементов вальса, кадрили и польки. Исполнялся в конце бала.

В общем, если первый бой окажется проигранным, второе наступление следовало вести на позиции Бенского, танцующего с Софьей котильон. Этот танец, который обычно начинается сразу после банкета, тоже сулил многие выгоды, ведь он самый долгий – более часа, и всё это время дама полностью принадлежит кавалеру.

* * *

Ржевский уже начал представлять себя победителем, но пришлось вынырнуть из мира грёз. Чтобы грёза стала явью, следовало выяснить, как же выглядят соперники: Никодимов и Бенский.

Самый простой способ – самый надёжный, поэтому Ржевский подошёл к одному из помощников распорядителя бала:

– Любезный, а скажите, где сейчас господин Никодимов Пётр... забыл, как по отчеству. Кажется, что мы с ним когда-то виделись у великой княгини Екатерины Павловны.

Конечно, могло статься, что Никодимов был сильно моложе поручика и во времена Екатерины Павловны посещал лишь детские балы, но тогда помощник распорядителя сказал бы об этом. Вот почему Ржевский, изложив просьбу, затаил дыхание: повезёт – не повезёт.

К счастью, просьба не показалась странной и Ржевского повели в соседний зал, обитый деревом на английский манер, где за ломберными столиками уже вовсю шла игра «в дурачки» и гораздо более азартные игры.

«Эх, Фортунушка, как ты пригодились бы сейчас», – подумал поручик, глядя на метание карт, но Фортуна молчала. Очевидно, была очень занята, ведь её призывали почти все из присутствовавших: кто-то уже сидел за столами, а кто-то пока стоял в толпе наблюдателей, но выказывал намерение присоединиться к игре.

Возле одного из столов толпа особенно сгустилась.

– И где же он? – нарочито сощурился Ржевский, оглядывая собравшихся. Он делал вид, что представляет, как выглядит «старый знакомец» Никодимов даже спустя тринадцать лет, и что просто не может его найти.

– Да вот же, – тихо сказал помощник распорядителя, указав на высокого круглолицего брюнета в маленьких круглых очках, одетого в тёмно-коричневый фрак, пошитый даже лучше, чем у Петушкевича. То есть это была светская птица более высокого полёта!

Ржевский испытал некоторую робость – словно провинциал, вдруг оказавшийся в Петербурге и стыдящийся своего немодного вида, но тут же сказал себе: «Мой мундир пошит не хуже».

– Пётр! – тихо воскликнул поручик, подступив к Никодимову, и панибратски толкнул его в бок. – Не узнаёшь?

– Нет, простите... – озадаченно пробормотал собеседник.

– Но как же! – всё так же тихо продолжал Ржевский. – Мы же виделись в этом же дворце на вечере у великой княгини Екатерины Павловны. Дело давнее, но вечер удался на славу.

– Который именно вечер? – осведомился Никодимов.

– Да тот, где Карамзин читал свою «Историю». – Поручик начал говорить громче. – Там было про Рюрика, а ведь я, Александр Ржевский, веду свой род прямо от Рюрика! Я так и объявил всем, а великая княгиня улыбнулась и сказала: «Историю вашего рода мы в другой раз послушаем».

– Ржевский... – задумчиво повторил Никодимов. – Тот самый поручик?

– Ну вот! Вспоминаешь! – радостно подхватил Ржевский, а со всех сторон на него уставились недовольные взгляды, ведь последние слова он произнёс настолько громко, что мешал игре. – Эх, дружище, как же я рад тебя видеть! – продолжал Ржевский во весь голос, будто отдавал приказы на поле сражения. И плевать на всех недовольных.

Зато Никодимов явно смутился оттого, что заодно с поручиком привлёк к себе внимание:

– Пойдёмте, выберем более удобное место для беседы, – сказал он, выбираясь из толпы.

– Охотно! – всё так же громко отозвался Ржевский, следуя за своей жертвой. План его был прост: сперва притвориться лучшим другом, а затем непоправимо испортить белый шёлковый жилет соперника, и белые панталоны – тоже. Залить их красными вином, коньяком или чем-нибудь в этом роде, что оставляет заметные пятна.

Никодимов с Ржевским пересекли бальный зал и направились в комнату, отведённую для желающих выкурить трубку и побыть в тишине. Комната привлекала ещё и тем, что в углу на столике, крашенном под белый мрамор, стоял узкогорлый графин с неким тёмно-красным напитком и бокалы на подносе.

Поручик, взглянув на графин, сразу подумал: «Годится!» Но тут обратил внимание на ещё одну вещь – светлая «мраморная» столешница опиралась на позолоченную ножку с любопытной деталью в виде трёх престранных существ, которые сидели вокруг ножки лицом к зрителю. Что-то вроде крылатых кошек с головами и грудями девиц.

– Так вы говорите, что были в тот раз на вечере у Екатерины Павловны? – спросил Никодимов, присаживаясь на стул возле того самого столика с графином, а Ржевский всё смотрел на ножку.

Груды у странных существ выпирали прямо под подбородком – вовсе не на животе, как у кошек, – а позолота подчёркивала приятную округлость. До выпирающих частей хотелось дотронуться, но поручик, немного подумав, решил, что это, пожалуй, неприлично.

– Да, был-с, – немного запоздало ответил он и присел на другой стул, напротив собеседника. – Но отчего мы не на «ты»?

– В самом деле! Оставим церемонии, – Никодимов расслабился и даже расплылся в улыбке, отчего лицо у него стало ещё круглее. – По правде говоря, я впервые встречаю здесь человека, который помнит Карамзина.

– Да как же не помнить, если он про Рюрика говорил! – ответил поручик.

– Никому сейчас нет дела до Карамзина, – вздохнул собеседник. – И до всей русской литературы. Куда она движется, здесь никого не заботит. Читают французов, а вот по-русски – нет. Только газетёнки всякие, да изредка – журналы.

– А есть, что читать? – спросил Ржевский, пытаясь вспомнить, когда в последний раз видел книгу. Кажется, как раз перед Отечественной войной.

Он тогда ухаживал за одной барышней, красавицей-брюнеткой, которая любила читать в саду. Стояли чудесные июньские погоды. Она ежедневно выходила с книгой в сад, но из-за настойчивости Ржевского за весь месяц прочла страницы три. Уж точно не больше пяти!

Затем Ржевский отбыл на войну, а барышня книжку вряд ли дочитала, если, конечно, сдержала обещание проливать слёзы каждую минуту до конца своих дней.

– А ты разве не читал Грибоедова «Горе от ума»? – спросил Никодимов.

– Что? – не расслышал Ржевский, увлекшись воспоминаниями. – Горе? От ума? Кажется, читал. – Это была ложь. – И согласен.

– С чем согласен?

– Что горе – оно от ума... А точнее – от излишних раздумий. Вот я, знаешь ли, много думать и рассуждать не люблю. Надо действовать!

В случае с барышней, любившей чтение, это и впрямь оказалось очень правильно. Пусть она поначалу говорила: «Поручик, уйдите, вы мне мешаете», но Ржевский не отступал. Чего ждать? Пока она всю домашнюю библиотеку перечитает? Действовать!

А на Никодимова слово «действовать» произвело просто волшебный эффект.

– И я того же мнения, – доверительно сообщил он, понизив голос и наклоняясь через стол к собеседнику. – Литературу русскую не спасёшь слезами. Да, действовать надо. И не только литературы нашей это касается, но и всего русского. Судьбу России надобно в свои руки брать.

Это он произнёс совсем тихим шёпотом, одними губами, будто заговорщик, а Ржевский никак не мог понять, о чём собеседник толкует. При чём тут судьба России?

Чтобы скрыть недоумение, поручик нахмурился:

– Я судьбу России держал в руках, когда воевал при Аустерлице, и во время Отечественной войны, и в Заграничном походе. А теперь – нет. Я в отставке.

– Отставка – не причина, чтобы перестать думать о благе Родины, – всё так же тихо, доверительно сказал Никодимов. – Взять того же Чацкого...

– Кого?

– Чацкого из «Горя от ума».

– А! Ну, разумеется!

– Вот он нигде не служит, но полон думами о России. А вокруг – чинуши и служаки, которые о России не думают, заботятся лишь о собственном благополучии. Чацкий пытается им объяснить, в чём истинная цель служения, но остаётся непонятым. И даже Софья, которая когда-то любила его всем сердцем, не понимает его...

Ржевский опять нахмурился. Что за Софья? Уж не намекает ли этот Никодимов на Софью Тутышкину, охраняемую мужем-цербером, которую сам пригласил на мазурку?

– ...Совсем не понимает, – меж тем повторил Никодимов. Увлечшись рассуждениями, он откинулся на спинку стула, а при слове «совсем» досадливо взмахнул рукой и едва не задел графин, стоявший на столе.

Ржевский положил ладонь на столешницу и незаметно подвинул графин к собеседнику. Однако обсуждение следовало поддерживать: пускай этот дурак дальше руками машет.

– Если женщина тебя не понимает, так и нечего на неё время тратить, – уверенно произнёс поручик. – Лучше избрать другую цель.

Если бы Софья не бросала на Ржевского такие красноречивые взгляды, он бы однозначно избрал другую цель и не слушал бы сейчас этого болвана.

– Именно! – воскликнул Никодимов, резко повернувшись к собеседнику. – Другую цель! Забота о благе России и народа – вот истинная цель! Цель для всякого мыслящего человека в отечестве нашем! – Он, кажется, не понял, о чём ему говорят. И вообще поведение этого господина не поддавалось никакому объяснению: то шептал о судьбе России, а теперь кричит.

Он ещё пару раз взмахнул руками и даже вскочил, а Ржевский ещё подвинул графин в его сторону, рассчитывая, что собеседник рано или поздно присядет на тот же стул, продолжит размахивать руками и...

Однако Никодимов никак не садился, начал мерить шагами комнату и счастливо улыбался:

– Как я рад, Александр! Как рад, что ты меня понимаешь. Это такое счастье – найти истинно мыслящего человека в этой толпе Фамусовых и Скалозубов.

Ржевский поспешил улыбнуться. Но из сказанного понял только, что роды Фамусовых и Скалозубов весьма многочисленны, если на губернский бал явились аж по несколько представителей от каждой из фамилий.

– Да ты сядь, братец, – сказал поручик. – Лучше расскажи мне, давно ли прибыл из Петербурга.

– А как ты догадался, что я прибыл оттуда? – спросил Никодимов, но присел не на стул, а рядом, на диванчик, оформленный в том же стиле, что и ножка стола – каждый подлокотник как будто держала на своих плечах крылатая кошка с женскими грудями.

Опершись на подлокотник, Никодимов словно невзначай скользнул краем ладони по округлым прелестям крылатого существа и Ржевский сразу забыл, о чём идёт разговор. «Да что здесь за мебель! Невозможно сосредоточиться!» – подумал поручик.

Меж тем Никодимов ждал ответа:

– Так как ты догадался?

– О чём?

– Что я только из Петербурга.

Ржевский наконец пришёл в себя:

– По фракку – уж больно искусно пошит. В нашей губернии так шить не умеют.

– И то верно, – кивнул собеседник.

– Так какие новости в Петербурге? – повторил Ржевский.

Взгляд Никодимова сделался загадочным, как и тон:

– Много разных новостей. – Он снова пересел за стол, поближе к Ржевскому и добавил. – Но об этом лучше говорить не здесь, а у меня на квартире. Приглашаю тебя завтра к себе. К полудню. А? Как? Придёшь?

– Охотно. – Ржевский всё так же улыбался, а про себя думал, о чём бы ещё спросить собеседника, чтобы снова разгорячился и начал махать руками.

Графин был уже почти на самом краю стола, но в голову, как назло, не приходило ни одного вопроса!

И тут Фортуна снова пришла на помощь – Никодимов, который только что смотрел прямо на поручика, вдруг взглянул ему за спину, куда-то вдаль. Главное, что больше не смотрел ни на Ржевского, ни на его руку, двигавшую графин.

Ещё немного, почти...

– Ах, вот вы где, поручик! – послышался за спиной знакомый голос. – А вы, господин Никодимов, как я вижу, совсем не думаете о наших дамах. Увели от нас поручика, занимаете его серьёзными беседами, а дамы в это время скучают, потому что желают танцевать с ним.

На плечо Ржевского легла рука, показавшаяся весьма тяжёлой, как если бы её обладатель сказал: «Вот ты и попался!» Графин уже не мог упасть на колени Никодимову, поднявшемуся, чтобы поприветствовать того, кто пришёл. Цель, такая близкая, теперь стала недостижимой, поэтому поручик оставил графин в покое и оглянулся.

Голос и рука, как и следовало ожидать, принадлежали князю Всеволожскому. Губернатор прямо-таки вцепился в плечо своему пленнику, чтобы препроводить обратно в зал и передать своей племяннице Тасеньке.

* * *

Мазурку Ржевский танцевал с Тасенькой. В предыдущих трёх танцах – галопе, вальсе и кадрили – его партнёршами стали весьма приятные особы, но это не могло облегчить нынешних страданий. Опять появилось глупейшее ощущение, что танцуешь один. Поручик пытался смотреть на Тасеньку, но взгляд не мог ни за что зацепиться, да и на ощупь было не лучше. То ли дело другие партнёрши!

Обычно, когда Ржевский, танцуя с очередной прелестницей, касался её спины на самой границе выреза платья, то чувствовал, как по телу дамы разбегаются мурашки, словно торопятся сообщить всем органам и частям: «Ржевский здесь! Ржевский здесь!»

Мурашки чувствовались даже через перчатку, поэтому невольно возникала мысль: «Вот бы проделать то же самое без перчатки...» Конечно, всякому кавалеру во время танца полагалось быть в перчатках и не снимать их, но если незаметно снять хотя бы одну...

В общем, если бы не обязанность уделять внимание Тасеньке, поручик мог бы заниматься куда более приятными делами. К тому же среди дам успели распространиться слухи, что причиной его отставки стала несчастная любовь. И якобы по той же причине он безвыездно прожил два года в деревне, не бывая даже в Твери. Дамы весьма чувствительны к таким историям, и из этого можно было извлечь немалую выгоду.

– Я слышала, что вы безнадежно влюблены. Это правда? – недавно спрашивала ясноглазая шатенка, когда Ржевский отплясывал с ней галоп.

Поручик, притворяясь растерянным, потупил глаза, невольно уставившись даме в декольте.

– А откуда у вас такие сведения, сударыня? Последнее время я никому не открывал своего сердца.

– В начале бала с вами танцевала одна девушка. – Шатенка смущённо улыбнулась. – Она спросила вас, почему вы два года никуда не выезжали. А вы так выразительно вздохнули... Значит, причина в сердечных делах! Когда девушка передала мне вашу с ней беседу, я сразу так решила.

– Сударыня, вы столь же проницательны, сколь и прекрасны, – ответил Ржевский. – А когда вы на меня так смотрите, я чувствую, что моё сердце понемногу исцеляется... Если бы вы подарили мне ещё один танец...

– Это невозможно, поручик. – Дама ещё больше смутилась, а глаза ещё больше заблестели. – На все другие танцы я уже приглашена. Всё расписано до конца бала.

– А если бы мы с вами уединились в дальней комнате...

– Это невозможно, поручик.

– Вас и туда кто-то пригласил раньше меня? – удивился Ржевский.

Дама звонко рассмеялась:

– А вы шутник, – но так ничего и не ответила.

Во время вальса другая дама, блондинка с нежным личиком, тоже расспрашивала Ржевского о сердечной ране:

– Поручик, до меня дошли слухи, что вы жестоко страдаете.

– Страдаю, сударыня, – отвечал Ржевский. – Но когда вы рядом, мне делается легче.

– Отчего же?

– Возможно, оттого, что дама, из-за которой страдает моё сердце, блондинка, как и вы, – сказал поручик. Разумеется, если б его партнёрша по танцу оказалась брюнеткой, он и причину своих страданий назвал бы брюнеткой.

– О! – оживилась дама. – Значит, вы любите блондинок, поручик?

– А вы рыжих мужчин любите, сударыня? – спросил Ржевский, тряхнув рыжими кудрями.

– На что вы намекаете? – замялась блондинка.

– На то же, на что и вы, – ответил поручик.

– Я не на это намекала, – решительно произнесла дама.

– А на что?

– Сама не знаю.

– А откуда тогда знаете, на что намекал я?

Блондинка наморщила носик:

– Поручик, догадаться не сложно: вся Россия знает, что вы всегда намекаете на одно и то же!

На кадрили Ржевский пригласил даму с рыжеватыми волосами и прелестными веснушками, просвечивавшими сквозь пудру.

– Поручик, я о вас наслышана, – сказала рыжая прелестница.

– О том, что я жестоко страдаю? – спросил Ржевский.

– А также о том, что вы известный пошляк, – улыбнулась дама. – Поэтому со мной воздержитесь от пошлостей.

– Это как?

– никоим образом не упоминаем пошлые предметы.

– А про предметы гардероба говорить можно?

– Про те, которые скрыты от глаз? Разумеется, нет.

– А про такие непошлые, как шляпа или перчатки?

– Ну, если про них...

– Тогда, – начал поручик, – признаюсь, как мне жаль, что кавалерам нельзя танцевать с дамами, не надевая перчаток.

– Ох, поручик! Вы даже из разговора о перчатках сделаете пошлость, – заметила дама. – Танцевать без перчаток – неприлично.

– Всё познаётся в сравнении, – возразил Ржевский. – Вот если б я танцевал ещё и без верхней части мундира, в одних рейтузах...

Рейтузы не являлись скрытой частью гардероба, поэтому дама не могла упрекнуть поручика в нарушении запретов:

– В одних рейтузах это уж совсем неприлично, – ответила она.

– А если бы дама танцевала без платья, только в белье и корсете?

– Поручик! Вы нарушили запрет.

– И всё же ответьте.

– Это совсем-совсем неприлично!

– А если бы я танцевал вообще нагишом?

– Это совсем-совсем-совсем неприлично!

– А если ещё и дама начнёт нагишом танцевать?

– Это так неприлично, что дальше некуда!

– Как это некуда? – удивился Ржевский. – Когда я рейтузы снимаю, и дама голая, то самое интересное начинается...

Но сейчас, во время танца с Тасенькой поручику не то что рейтузы, а даже перчатки снимать не хотелось. Мало того, что вид у неё – смотреть не на что, так и характер не слишком приятный. На поверку она оказалась любительницей лезть в чужие дела.

Судя по всему, слух о «разбитом сердце» Ржевского распространила именно эта девица, за что её можно было бы благодарить... если б теперь она не вздумала лезть в его дела с Софьей!

– Поручик, я должна вам кое-что сообщить о госпоже Тутышкиной. Обещайте, что никому не скажете о нашей беседе, – сказала Тасенька, как и в прошлый раз, во время другого танца, начав разговор первой.

Ржевский снисходительно усмехнулся:

– Да бог с вами, Таисия Ивановна! Вы как будто собрались открыть страшную тайну.

– Она не страшная, но важная, – приглушённо произнесла Тасенька и продолжала: – Госпожа Тутышкина изменяет мужу.

«Это же превосходная новость!» – подумал Ржевский. Ему опять захотелось выразить благодарность собеседнице, но это желание почти сразу исчезло.

– Поручик, зря вы хотели ухаживать за ней, – всё так же тихо говорила Тасенька.

– Не понимаю вас.

– Она изменяет мужу, но изменяет не с вами. А значит, вам придётся подождать, пока прежний любовник ей наскучит.

– Таисия Ивановна, вы как будто любовных романов читались, – сказал Ржевский.

– Госпожа Тутышкина уже не первый год изменяет мужу с одним и тем же любовником, – не унималась сплетница. – Вы будете лишний.

«Интересный поворот, – подумал Ржевский. – Но почему же тогда Софья смотрела на меня так завлекательно?»

Глава вторая,

*в которой на балу происходят странные события,
в итоге помогающие герою достичь желанной цели*

Мазурка кончилась. Распорядитель бала и его помощники попросили освободить середину зала, потому что из двери, которая до этого была заперта, лакеи начали вносить столы, уже накрытые скатертями, и добавочные стулья, ведь тех, что стояли вдоль стен, не хватило бы.

Вскоре на столах появились тарелки, бокалы, столовые приборы, а также вазы с живыми цветами – это в декабре-то! Зал наполнился возгласами одобрения и восхищения, а меж тем лакеи уже вносили блюда с холодной закуской и бутылки с различным содержимым – на любой вкус.

Князь Всеволожский попросил всех рассаживаться, просьба была тут же громогласно повторена помощниками распорядителя, а князь занял подобающее ему место во главе самого длинного стола.

По счастью, Тасенька оказалась не единственной родней губернатора – сидеть рядом со своим дядюшкой ей не полагалось. А это означало, что Ржевскому, обязанному сопровождать свою даму, раз танцевал с ней мазурку, можно было выбрать место подальше, не под надзором.

И всё же сесть следовало за главным столом, но тут поручик заметил, что за тот же стол усаживается губернский чиновник Тутышкин с супругой. Тутышкин сажился по левую руку от жены, а справа пока никто не сел! Там как раз осталось два места – для кавалера и дамы.

Ржевский, немилосердно толкнув нескольких гостей, заслонявших путь, потащил Тасеньку к столу. Лишь оказавшись рядом с Софьей Тутышкиной, позволил себе секунду передохнуть, а затем выдернул замешкавшуюся Тасеньку из толпы и, всем видом изображая галантность, отодвинул для своей дамы стул:

– Садитесь, Таисия Ивановна.

Два места рядом с четой Тутышкиных наверняка были оставлены для кого-то другого. И вообще отодвигать стулья положено лакеям. Однако Ржевский решил взять судьбу в свои руки, а если окажется, что занял чужие места, ни за что не пересаживаться!

Вот к столу подошёл лакей, который вёл за собой пожилую пару. Значит, для этой пары предназначались стулья рядом с Тутышкиными, но Ржевский скорчил такую зверскую рожу и так выразительно посмотрел на лакея, что тот в страхе отступил на шаг, сказав паре:

– Простите-с, нам не сюда.

Тем временем Софья Тутышкина успела заметить Ржевского, а поручик сделал вид, что её не замечает. Хотел понаблюдать, огорчится ли она из-за невнимания.

Тасенька, уже усевшаяся за стол и устроившая на коленях салфетку, повернулась в сторону Софьи – значит, тоже заметила, – но ничего ей не сказала и вместо этого обратилась к поручику, судя по всему привыкнув, что он первым не заговаривает:

– Поручик, вы ведь были в Париже?

– Конечно, был-с, – ответил тот.

– Тогда, думаю, вы оцените: сегодня все блюда – по парижским рецептам.

Ржевский молча разглядывал стол, где уже стояли кушанья. К примеру, холодная курица под толстым слоем прозрачного желе, украшенная веточками ароматных трав и больше похожая на пирог странной формы, нежели на птицу. А вон тарталетки в виде корзинок с ручками, наполненные салатом из картошки, моркови, гороха, маринованного огурца и ещё чего-то. Или

вот тарталетки-лодочки с креветочным мясом в соусе; наверху каждой воткнута зубочистка с бумажкой, будто парус.

На соседнем блюде видны корытца из картошки, тоже с креветками. Корытца расставлены вокруг дерева, у которого ствол из ананасовых колец, а ветки – из петрушки. И сверху – долька лимона воткнута. Видать, это солнце заходит.

Тасенька, взяв в руки лист отпечатанного меню, забормотала что-то – наверное, по-французски. А затем сказала уже по-русски, указывая пальчиком:

– «Фаршированная курица под соусом Бель Вю», «Корзиночки с салатом», «Кораблики с креветками», «Картофельные лодочки с креветками».

– Что-то вы странное читаете, Таисия Ивановна, – сказал Ржевский. – Где же тут лодочки, если это корытца?

– Здесь так написано, – ответила Тасенька, но не совсем твёрдо. Уверенный тон Ржевского её смутил.

– Да мало ли, что за вздор пишут! – сказал поручик. – Я после двух лет в деревне могу отличить лодку от корыта.

– Не смущайтесь, Таисия Ивановна, – вдруг донёсся откуда-то слева мужской голос. – Он никогда не верит в то, что написано. Я недавно пытался сказать господину поручику, как именно у Карамзина написано про братьев Рюрика, а господин поручик рассердился да как начал кричать. И меня напугал, и супругу мою!

Ну, конечно же, это говорил муж Софьи! Ржевский оглянулся на него, но промолчал.

– Поручик, а вы сами французский язык знаете? – продолжал ехидничать Тутышкин. – Можете посмотреть, правильно ли Таисия Ивановна перевела меню?

Ржевский, подавив в себе желание подойти к Тутышкину и приложить физиономией об стол, произнёс с нарочитым спокойствием:

– Нет-с. Я французского языка не знаю. И полагаю это знание излишним.

– А как же вы в Париже с местными жителями объяснялись? – робко спросила Тасенька.

– А они меня и по-русски понимали, – всё так же с нарочитым спокойствием отвечал Ржевский.

– Как это? – не отставал ехидный Тутышкин.

– Да просто! – ответил поручик. – Вот, к примеру, захожу я в парижский ресторан. Хозяин сразу ко мне. Ох, говорит, гусар рус, гусар рус, сильвупле. За стол, в общем, приглашает. Ну, я сажусь; он меню открывает, пальцем туда тычет, лопочет что-то. С вином кое-как разобрались, а вот с закуской... Ни черта не понимаю, а понимаю только то, что он мне чего-то предлагает. Ну, я плюнул и говорю: «Валяй, неси, но только пулей, а то жрать охота». Так он всё понял! Не прошло и минуты, как мне несут вот такую же курицу, – Ржевский небрежно кивнул в сторону курицы в желе. – И зачем тогда язык учить? Я и в других парижских ресторанах по-русски изъяснялся, а если там одни дураки, то я им – «валяй», «пулей» и сразу все понимали.

Тасенька вдруг совсем смутилась. В ней явно шла внутренняя борьба чего-то с чем-то, и одно из них в итоге победило, потому что Тасенька дрогнувшим голосом произнесла:

– Поручик, «воляй» – это по-французски «птица» как вид пищи, то есть не рыба и не мясо. А «пуле» – это по-французски «курица».

Теперь настала пора Ржевскому смутиться, но он почти сразу нашёлся:

– Получается, французский я всё-таки знаю? Ну, ладно. Знаю, так знаю. Давайте-ка лучше выпьем и закусим.

* * *

Опытный участник баталий всегда видит поле боя целиком, поэтому поручик заметил, что пока он беседовал с Тасенькой и Тутышкиным, Софья успела положить в тарелки себе и мужу различные деликатесы. Значит, рассказ о парижских ресторанах совсем не занимал её.

Или она обиделась на показное невнимание Ржевского, поэтому сама притворилась безразличной и весьма занятой заботами о благоверном.

Как раз в то время, когда Ржевский предложил приняться за еду, Софья солила «Кораблики с креветками» в мужниной тарелке – трясла над ними серебряной солонкой. Посолила изрядно, а затем хотела поставить солонку на стол, но поручик был уже наготове.

Во время банкета и дамам, и кавалерам полагалось снять перчатки, и это открывало большие возможности для наступления! Ещё тогда, когда прелестные пальчики оставались сомкнутыми вокруг солонки, Ржевский протянул руку и будто нечаянно коснулся их:

– Ах, простите, Софья Петровна, тоже хотел воспользоваться.

Красавица-брюнетка посмотрела с подозрением:

– А что вы собрались солить, Александр Аполлонович?

Только теперь Ржевский сообразил, что допустил промашку – его тарелка была пока пуста.

– Да, мне тоже любопытно, Александр Аполлонович, – сразу встрепенулся Тутышкин, который уже успел отпилить корму от одного из корабликов и наколоть на вилку, но так и не донёс до рта. – Можно подумать, вы пытаетесь ухаживать за моей женой!

Воцарилось тягостное молчание. Наступление вдруг обернулось контратакой противника. Следовало что-то предпринять. Поручик напряжённо соображал, но не прошло и полминуты, как он лучезарно улыбнулся:

– О! Да это у меня давняя привычка. Уж сколько лет прошло, а всё никак не могу отучиться.

– Привычка ухаживать за чужими жёнами? – Тутышкин аж побагровел и, казалось, был готов вызвать Ржевского на дуэль.

– Нет, вы не поняли, – ответил Ржевский. – Привычка касается употребления соли. В походах часто бывает, что есть приходится не за столом с тарелкой и приборами, а держать кусок пищи прямо в руках. Например, печёный в золе картофель. В декабре двенадцатого года я, знаете ли, часто такое едал. И в подобных случаях весьма неудобно сыпать соль на пищу, потому что значительная часть сыпется мимо. Гораздо удобнее опускать пищу в соль – самый краешек.

Лицо Тутышкина, ещё некоторое время остававшееся багровым, постепенно вернуло себе первоначальный цвет, а Софья успела тихо вздохнуть.

– Вот я и хотел по старой привычке, – продолжал Ржевский, – насыпать на тарелку горочку соли, а после опустить в неё... ну, к примеру, вот этот помидор! – В следующее мгновение он схватил вилку и наколоть на неё одну из долек помидора, украшавших курицу в желе.

– Очаровательный рассказ! – воскликнула Софья, так что муж в очередной раз встрепенулся, но теперь смотрел с подозрением на неё, а не на поручика.

– Так вы позволите? – спросил Ржевский, снова будто случайно касаясь пальцев дамы, которые так и не выпустили солонку.

Софья, кажется, ничего не слышала и не почувствовала, однако воззрилась на поручика с таким восхищением, что Тутышкин снова начал багроветь, а сам поручик – теряться в догадках: «Неужели, одно прикосновение так действовало?»

– Очаровательный рассказ, – повторила Софья, – поэтому я возьму эту солонку с собой в память о нашей сегодняшней встрече, Александр Аполлонович. – Она открыла ридикюль и спрятала туда трофей прежде, чем кто-либо успел что-то возразить.

Ржевский по-прежнему не мог поверить своему счастью, понимая, что поступок дамы весьма смел. И не только потому, что всё это совершалось на глазах у мужа. Ведь, в самом деле, нужна известная смелость, чтобы забирать на память столовое серебро – солонка-то серебряная. Такое и воровством могут счесть.

По счастью, другие гости, увлечённые едой и разговорами, не обращали на происходящее никакого внимания. Рассказать губернатору о серебряном предмете, взятом «на память», могла разве что Тасенька.

Ржевский посмотрел в её сторону и, кажется, впервые за весь вечер заметил, что у этого существа есть глаза, потому что глаза эти стали круглыми, как у рыбы, а губы шевелились так, словно эта рыба задыхается.

– Что с вами, Тасенька? – вырвалось у поручика, а в следующее мгновение та громко закашлялась, согнувшись пополам.

Ржевский вскочил, не зная, как помочь. Плеснул воды в бокал из стоявшего на столе графина, подал ей:

– Промочите горло, полегчает.

Однако Тасенька, продолжая нутужно кашлять, не могла сделать ни глотка.

– Может, по спине постучать?

Девушка едва заметно кивнула.

Ржевский с силой хлопнул её по спине ладонью, отчего Тасенька согнулась ещё сильнее.

– Да что же вы делаете, Александр Аполлонович! – воскликнула Софья, тоже вскочив. – Доктора сюда надо. Врача!

– Врача! – заорал Ржевский на весь зал.

– Даме плохо! – подхватил Тутышкин, вскочивший вслед за женой. – Врача!

Однако Тасенька уже перестала кашлять, взяла со стола бокал с водой, недавно предложенный поручиком, и сделала несколько глотков.

– Не надо врача, – наконец проговорила она, хоть и хриловато. – Всё хорошо. Когда Александр Аполлонович меня по спине хлопнул, мне сразу стало лучше.

– А что же с вами было? – спросил Тутышкин.

– Может, это чахотка? – спросил Ржевский на всякий случай.

– Нет у меня никакой чахотки, – уже обычным голосом ответила Тасенька. – Я корзинкой с салатом подавилась. Откусила у неё ручку, хотела разжевать и случайно проглотила.

Тем временем к ним подошёл пожилой лысоватый господин в тёмно-сером фраке. Поправив на носу пенсне, он деловито произнёс:

– Я доктор. Кому плохо? Вам, барышня? – он посмотрел на Тасеньку. Кажется, она единственная из всех присутствующих продолжала сидеть, а остальные гости за столом вскочили, чтобы лучше видеть происходящее.

– Нет, мне уже хорошо, – твёрдо произнесла Тасенька, сделав ещё один глоток из бокала и чуть кашлянув, чтобы прочистить горло.

Господин в пенсне взял со стола ложечку, и велел:

– Барышня, откройте рот пошире и скажите «а».

– Зачем? – Тасенька нахмурилась.

Доктор присел рядом – на стул, где недавно сидел Ржевский.

– Посмотрю, не простужены ли вы. А то зима на дворе, а вы одеты совсем по-летнему. В моей практике такое часто случается, что приходится лечить барышень, которые простудились на балу. Все эти открытые плечи и тонкие шелка – это, конечно, хорошо для некоторых дел, но для здоровья не полезно, когда на дворе декабрь, а в зале – сквозняки.

– Я не простужена, – уверенно произнесла Тасенька.

– Вот и посмотрим. Скажите «а».

Тасенька подчинилась, а врач придавил ей язык ложечкой и принялся смотреть:

– Правее повернитесь. На свет.

Эту процедуру прервал губернатор, который, протиснувшись через толпу, участливо спросил:

– Тасенька, дитя моё, что случилось?

Та попыталась ответить, но ей мешала ложка во рту, давившая на язык.

– Господин доктор, прервитесь на минуту, дайте мне поговорить с племянницей, – недовольно произнёс губернатор, а Тасенька, освободившись от ложки, затараторила:

– Дядюшка, всё хорошо. Я подавилась таргалеткой, а Александр Аполлонович, – она выразительно посмотрела на поручика, – мне очень помог. По спине хлопнул, и мне сразу стало лучше.

Все повернулись в сторону Ржевского, и даже Тасенька, продолжая говорить, больше смотрела на него, чем на дядю:

– А после того, как я по совету Александра Аполлоновича выпила воды, то всё совсем прошло. Спасибо вам, – она кивнула поручику, – вы мой спаситель.

Губернатор в то же мгновение подступил к Ржевскому, схватил за плечи и чуть встряхнул:

– Дорогой мой друг, благодарю от всей души! Признаюсь, моя супруга сомневалась, что Тасеньку можно вам доверить даже на балу, но я всегда знал, что моя племянница с вами – в надёжных руках.

«Со мной? – насторожился Ржевский. – В надёжных руках?» Кажется, он был бы менее смущён, если бы все гости, которые сейчас смотрели на него, застали его в спальне губернатора со спущенными штанами. Губернаторша, как её ни крути, уже замужем, так что жениться не пришлось бы, а вот Тасенька...

Воображаемый свадебный венец над головой всё больше приобретал тяжесть настоящего.

«Фортушка, милая, имей сострадание, – мысленно взмолился Ржевский. – Что же ты творишь?» И Фортуна услышала, потому что доктор нарочито громко произнёс:

– Я бы хотел обследовать барышню более тщательно. Есть подозрение на простуду.

Тасенька упиралась:

– Дядюшка, – сказала она, – это ни к чему.

– А если завтра вам, барышня, станет хуже? – настаивал доктор.

Князь Всеволожский наконец-то отпустил Ржевского и встревожено спросил:

– А такое возможно?

– Всякое возможно, – ответил врач, – поэтому я бы попросил отвести барышню в комнаты, где можно было бы без помех послушать дыхание и померить пульс.

– Пойдём, Тасенька, – сказала появившаяся из толпы губернаторша, взяла мужнину племянницу за руку и потянула за собой, а мужу бросила через плечо: – Николя, ни о чём не беспокойся. Развлекай гостей.

– В самом деле, господа, – засуетился Всеволожский. – Что мы так переполошились! Прошу садиться. Банкет продолжается.

Врач ушёл вслед за пациенткой, загремели стулья, гости стали усаживаться... А Ржевский лишь тогда, когда снова оказался за столом бок о бок с Софьей, понял, как хорошо Фортуна всё устроила. Назойливой девицы Тасеньки больше не было рядом, а прекрасная дама, за которой так хотелось ухаживать, – вот она. И муж – не помеха, потому что перестал обращать на поручика внимание.

– Перемена блюд? Уже? – недовольно бормотал Тутышкин. – Софья, вообрази: я эти кораблики даже не попробовал, а их уже унесли!

* * *

Поручик Ржевский увлечённо ухаживал за Софьей: подкладывал угощение и делал намёки.

– Позвольте снова за вами поухаживать.

– В каком смысле «поухаживать»? – заинтересованно спросила дама.

– Положу вам кусок вот этого пирога.

– Ах, вот вы о чём, – кокетливо улыбнулась она. – Да, поухаживайте.

В общем, осада шла успешно, крепость подавала знаки, что готова сдаться, а Тутышкин, который должен был мешать осаде, на своих позициях бездействовал.

Однако военное счастье переменчиво, как и всякое другое. К позициям Ржевского приблизились войска, не имеющие опознавательных знаков. На стул, оставшийся пустым после ухода Тасеньки, уселся подозрительный тип – усатый брюнет в тёмно-синем фраке.

«Штатский, но выправка как будто военная, – подумал Ржевский. – И усы почти гусарские. Неужели соперник?»

Подозрения только укрепились, когда этот фрачник, чуть наклонившись вперёд, чтобы его было лучше видно соседям по столу, произнёс, обращаясь к Тутышкину:

– А вот и снова я, Фёдор Иванович. Позвольте посидеть немного с вами и вашей супругой?

Тот, занятый жеванием, молча кивнул в ответ.

– Софья Петровна, как вы здесь? Не скучаете? – с возмутительной небрежностью осведомился фрачник.

– Нет, Сергей Сергеевич, – ответила Софья и улыбнулась так же благосклонно, как недавно улыбалась Ржевскому. – Но я рада, что вы, как истинный рыцарь, явились сюда, чтобы спасти меня от скуки, пусть даже мнимой.

Имя Сергей могло быть ключом к разгадке личности возможного противника. «Не тот ли это Сергей Бенский, с которым она скоро должна танцевать котильон?» – спросил себя поручик и начал выискивать взглядом, что бы такое «нечаянно» смахнуть на колени наглецу, чтобы к началу котильона не сумел отчиститься. Однако перед атакой следовало всё-таки удостовериться, что противник – тот самый.

– Простите, с кем имею честь соседствовать? – спросил Ржевский.

– Я старый друг семьи Тутышкиных, – ответил наглец и больше ничего, так и не назвался. Как будто издевался!

Дело мог бы поправить Тутышкин, представив «друга семьи» Ржевскому, но не стал, по-прежнему занятый жеванием. А Софья, кажется, раздумывала, должна ли совершать жесты вежливости вместо мужа.

Меж тем «друг семьи» принялся осаждать крепость Софью, будто не замечая второго осаждающего:

– Как хорошо, Софья Петровна, что мне удалось пересесть. Увидел пустой стул и решил: вот случай, чтобы провести время в милой сердцу компании.

«Он это нарочно!» – поручик, всё больше ощущая соперничество со стороны незнакомца, начал закипать. Но опытный участник подобного рода баталий не станет показывать врагу, что задет. И именно поэтому невозможно было прямо переспросить у «друга семьи Тутышкиных»: «Не расслышал вашу фамилию». Ведь наверняка же опять увернётся от ответа!

Также оставалось непонятным, штатский он или военный. Как к нему лучше подступиться? Штатских Ржевский забалтывал разговорами о давних вечерах у великой княгини Екатерины Павловны. Военных – воспоминаниями о Бородине. Но пока поручик раздумывал, незнакомец всё больше наглед:

– Софья Петровна, позвольте ещё раз отметить: вы сегодня очаровательны. Ах, как я завидую Фёдору Ивановичу!

Это следовало прекратить. Но какую стратегию выбрать? Спрашивать про Екатерину Павловну или Бородино? Бородино или Екатерину Павловну?

– А ваш наряд, Софья Петровна, удивительно подходит к... – продолжал «друг семьи», но не договорил, потому что Ржевский ринулся в атаку:

– Простите, Сергей Сергеевич, не доводилось ли нам видиться на вечере у великой княгини Екатерины Павловны при Бородине?

– Где? – тот не понял, хотя Ржевский и сам не сразу понял, что сказал. А когда понял, поспешил исправиться:

– Я спросил, доводилось ли нам видеться на вечере у великой княгини Екатерины Павловны или, – поручик особо выделил слово «или», пропущенное в прошлый раз, – при Бородине. Вижу в вас как будто знакомые черты.

– Нет, – ответил собеседник, – мы раньше не виделись.

– Отчего же вы так уверены? – спросил Ржевский. – Неужели ни на одном из вечеров Екатерины Павловны вас не было? И при Бородине не сражались? – последний вопрос прозвучал с лёгким пренебрежением.

Собеседник вскинулся:

– При Бородине я сражался, но вас не помню.

– А я как будто припоминаю фамилию Бенский, – сощурился Ржевский. – Уж не вы ли это?

Софья наконец решила исправить неудобное положение, раз муж молчит. Она неприступно представила «друга семьи» так, будто ничего не происходит и «друг» – поручику вовсе не соперник:

– Александр Аполлонович, это Сергей Сергеевич Бенский, ротмистр в отставке. Сергей Сергеевич, познакомьтесь: это Александр Аполлонович Ржевский, поручик в отставке.

«Ага, – подумал Ржевский. – Тот самый». И снова принялся искать, что бы такое скинуть сопернику на колени.

– Так вы – Ржевский! – воскликнул друг семьи Тутышкиных.

На лице его отразилось уважение и восхищение, но Ржевскому отчего-то показалось, что чувства эти фальшивы.

– Александр Аполлонович, – продолжал Бенский, – не имел чести быть знакомым, но много слышан о вас.

– В самом деле?

– Да. И о ваших подвигах.

– Я рад, – снисходительно улыбнулся Ржевский.

– И тех подвигов, что были после войны, – добавил Бенский, вдруг улыбнувшись чуть насмешливо.

– Это которых?

– Главным образом тех, что были совершены в нашей губернии.

– Тогда вы что-то путаете, любезный. – Ржевский нахмурился, всё больше подозревая в собеседнике фальшь. – В последние два года я тихо жил в деревне и не совершил ничего героического.

– Не скромничайте, поручик. – В улыбке Бенского вновь проскользнула насмешка. – Не зря же вас прозвали Рыжим Дьяволом.

Ржевский понял, что его хотят скомпрометировать перед дамой, рассказав ей о событиях во Ржеве. А если дама уже осведомлена через молву, то даже напоминание о слухах могло стать неприятным.

Полностью отрицать все слухи, пожалуй, не следовало – неправдоподобно. А вот если частично признать вину, но не давать собеседнику сгущать краски...

– Кто это прозвал? – нарочито удивился поручик.

– Ржевские купцы-старообрядцы.

– Ах, вот вы о чём! – Ржевский расплылся в улыбке. – Так это пустяки и недоразумение. Просто я оказал услугу одной купчихе.

– Купчихе Балакиревой.

– Не помню её фамилию, – небрежно произнёс Ржевский и повернулся к Софье. – Прощество – сущий пустяк. Иду я как-то по улице Ржева, городским воздухом дышу. Весна, грязь. Вдруг слышу крик. Стоит посреди улицы баба.

– Красивая? – спросил Бенский.

– Да. – Ржевский прикусил язык. – То есть нет. То есть не помню. Что издалека разглядишь? Сарафан, душегрейку, платок? Я сразу разглядел только то, что она на одной ноге стоит. А другой ногой в воздухе помахивает, будто балерина. То вбок ногу отведёт, то назад. Давненько я такого балета не видел.

Кажется, Софье не понравилось это сравнение, и поручик поспешил продолжить:

– В общем, шла по грязи и увязла. Дёрнулась, а сапожок с ноги соскочил, да так в грязи стоять и остался. Баба крутится, босой ногой машет, руками машет. Просто театр! Уже и зрители начали собираться. Я, конечно, поспешил на сцену. Одной рукой взялся за ножку, другой рукой выдернул из грязи сапожок, ну и помог обуться. А баба мне говорит: «Барин, ты ангел! Хоть и рыжий».

– Неужели купчиха Балакирева шла по улице одна? – осведомился Бенский. – Не было с ней работницы, дочери или ещё кого, кто бы помог?

– Да была там какая-то, – всё так же небрежно ответил Ржевский. – Но у неё в одной руке – корзинка, в другой – тоже корзинка. С базара, видно, шли. Девушка эта кричит: «Ой, я помогу!» Баба ей: «Куда ты, дура! Покупки в грязь не ставь». А тут я. В общем, помог. И пошёл своей дорогой. Так что не дьяволом меня прозвали, а ангелом.

Софья, кажется, осталась довольной услышанным. Возможно, она раньше слышала другое, но рассказ Ржевского явно понравился ей больше, чем слухи. Она мило заулыбалась, но тут опять вмешался Бенский:

– А мне говорили, будто купчиха Балакирева вас после этого на чай пригласила.

– Да как же она могла? У старообрядцев всё строго.

– Да вот так и могла, – Бенский понимающе улыбнулся. – Поддалась дьявольским чарам. Пригласила на чай. А мужа как раз дома не было...

– Вздор болтают! – уверенно ответил Ржевский.

– А ещё мне говорили, что после этого сам купец Балакирев имел с вами разговор в трактире. И весь трактир слышал. Купец кричал, что жена его теперь кается и в день по триста поклонов перед иконами кладёт. Неужели, не было повода?

– Вздор! – всё так же уверенно произнёс поручик. – Разве ж я в ответе за то, что этот купец по дурости придумал! «Ты, – говорит, – моей жене ещё на улице мигал с блудным хотением». А я никому не мигал. И чай я с ней не пил. И перин её пуховых даже не видел.

– Тогда откуда знаете, что перины именно пуховые? – хитро сощурился Бенский, а Софья посмотрела на поручика укоризненно, да и Тутышкин – тоже.

– Так про них этот дурак купец упоминал, – Ржевский старался казаться всё таким же уверенным. – Говорил, что на них рыжий волос остался.

Бенский сощурился ещё сильнее:

– Купец Балакирев сказал: «От тебя, Рыжего Дьявола, остался».

– Кажется, так и сказал, – неохотно согласился Ржевский, – но всё вздор и недоразумение. Если бы я так волосами разбрасывался, то давно бы лысым ходил. Если молву во Ржеве послушать, так я на каждой купеческой перине по волосу оставил.

– А ещё говорят – вам ржевские купцы предлагали двести рублей серебром в обмен на ваше честное слово дворянина, что вы никогда больше во Ржеве не появитесь.

– Вздор! – в который раз сказал поручик, но Софья, кажется, уже не верила.

Хитрецу Бенскому всё же удалось сгустить краски, и Ржевский, раз уж терять было нечего, решил признать правду, хоть и частично:

– Предлагали две тысячи. Но я отказался. Мои чувства к женскому полу не покупаются и не продаются.

* * *

Ржевский старался не подавать вида, что приуныл. Двусторонняя осада крепости Софьи становилось всё более нелепой. Порой невозможно было понять, к кому более благосклонна осаждаемая.

Оба осаждающих сидели по правую руку от неё, поэтому, когда Софья поворачивалась вправо и улыбалась, оставалось лишь гадать, кому предназначена улыбка. Наверное, улыбалась она всё же Бенскому, если рассказ о «недоразумениях» во Ржеве произвёл на неё неприятное впечатление.

Поручику уже почти захотелось, чтобы вернулась Тасенька. По крайней мере она своим появлением заставила бы наглеца Бенского освободить ей стул и убраться к чёрту.

Но появление Тасеньки помогло бы Ржевскому ненадолго. Банкет уже подходил к концу, осталась последняя перемена блюд. А после этот интриган Бенский станет танцевать с Софьей котильон.

Ржевский уже готов был пойти на крайние меры – просто облить соперника красным вином, даже не притворяясь, что это вышло случайно. Бенский, конечно же, тут же вызвал бы за такое на дуэль, а поручику пришлось бы принять вызов, но зато Софья не досталась бы никому из них.

«Если не победа, то можно и так», – думал Ржевский, когда сзади подошёл лакей и почему-то взялся рукой за спинку стула, на котором сидел поручик.

– Что такое? – спросил Ржевский, глядя на лакея снизу вверх, но ответа не получил.

Лакей смотрел куда-то вперёд и чуть покачивался. Левой рукой он держал поднос, на котором на большой овальной тарелке находился кремовый торт в виде корзинки с цветами, украшенный листиками мяты. Оттого, что лакея шатало всё сильнее, торт начал ездить по подносу туда-сюда.

– Ты никак пьян, братец! – воскликнул Ржевский.

Лакей наконец посмотрел на него, что-то промямлил, но поручик не вслушивался. Ведь лицо у лакея было почти такого же зелёного цвета, как листики мяты на торте!

– Простите, барин, – зелёный малый начал оседать на пол.

Ржевский, чуть повернувшись на стуле, схватил лакея под мышки и тут же почувствовал, как на правое плечо опускается поднос. Послышался лёгкий скрежет. Это торт в тарелке поехал по наклонённому подносу, словно с горки на санках. Шмяк! Звяк!

– Ах ты, пьяная свинья! – вдруг заорал Бенский. Оказалось, что торт съехал с подноса как раз ему на колени и почти весь остался там, а тарелка теперь валялась осколками на паркете. – Плетей ему! – орал Бенский, потому что его панталоны и низ жилета оказались безнадёжно заляпаны. Салфетка, лежавшая на коленях, никак не могла спасти одежду от такого обилия цветного крема.

А лакею, которого Ржевский продолжал держать подмышки, сделалось совсем худо. Бедный малый дёрнулся, вырываясь из рук поручика, бросил поднос и побежал прочь, зажимая рот руками. Как видно, лакея должно было вот-вот вырвать, но он скрылся в дверях прежде, чем большинство гостей успело понять, что случилось.

– Вот чёрт! – возмущался Бенский, руками перекладывая смятый торт себе в тарелку и пытаясь хоть как-то вытереться, но теперь и рукава фрака оказались вымазанными.

Рядом уже суетился главный распорядитель бала:

– От имени хозяина дома прошу извинить за эту нелепую случайность. Холоп будет наказан по всей строгости. Уважаемый господин Бенский, позвольте проводить вас в уборную.

– Извините, но вынужден откланяться, – произнёс недавний соперник Ржевского, обращаясь прежде всего к чете Тутышкиных.

Ржевский хотел сказать ему вслед: «Не беспокойтесь, я сделаю всё, чтобы Софья Петровна не скучала», но издеваться над поверженным врагом, пожалуй, не следовало. В конце концов, это не Ржевский его победил, а лапушка Фортуна помогла. Поручик, пытаясь поддержать падающего лакея, совсем не думал о том, к чему это приведёт.

– Кажется, мы остались без торта, – вздохнула Софья, когда Бенский удалился, а слуги убрали с пола разбитую тарелку и остатки крема.

– Да, неприятная история, – кивнул Ржевский и тоже вздохнул для вида, но мысленно ликовал. – А ещё, Софья Петровна, вы остались без партнёра на предстоящем котильоне. Разрешите исправить это и пригласить вас.

– Приглашайте. – Дама улыбнулась.

* * *

Котильон ценен тем, что позволяет кавалеру без помех говорить с дамой почти наедине. Если в котильоне участвует множество пар, то места в зале не хватает, и пока одни пары танцуют очередную фигуру, заданную главным распорядителем бала, оставшиеся сидят возле стены и беседуют.

Поручик Ржевский в очередной раз присев вместе с Софьей на банкетку, всё больше подозревал, что он чего-то не понимает. Дама переключивала из руки в руку букет фиалок, подаренный ей Ржевским перед началом котильона, смотрела выжидающе, но когда слышала очередной комплимент или пикантный намёк, то на лице её одновременно отражалось удовольствие и разочарование. То есть по её мнению кавалер говорил не совсем то. А что он должен был сказать? Или надо было не говорить, а действовать?

Ржевский непринуждённо протянул руку за спину дамы, затем нащупал ягодицу, хорошо ощутимую даже через складки шёлковой юбки, и одновременно прошептал в дамское ушко:

– Софи, что же ты со мной делаешь! Оглядываюсь на свою прежнюю жизнь и думаю: «Как же я мог жить без тебя все эти годы?»

Дама ахнула и прошептала:

– Сашенька! Значит, ты не забыл? А я всё думала, узнаёшь ли ты меня. И не говори, что за тринадцать лет я не изменилась.

Что? Такого Ржевский не ждал. Он готов был поклясться, что имя Софьи Тутышкиной впервые услышал именно сегодня, на балу. Однако поведение дамы не давало повода предположить, что она лишь в шутку говорит о давнем знакомстве, желая разыграть собеседника.

– Конечно, Софи, я сразу тебя узнал. Я помню всё, – тихо ответил поручик, но если бы дама спросила, что же он помнит, оказалось бы нелегко выкрутиться.

По счастью, дама не спросила. Вместо этого принялась укорять:

– Я думала, ты приедешь ко мне после войны, но ты не приехал. И тогда я от обиды вышла замуж за этого дурака. Почему ты не приехал?

– Служба, – просто ответил Ржевский.

– Ты мог бы написать мне письмо.

– Софи, я не мастер мараить бумагу.

– Знаю, – вздохнула она. – А два года назад, когда ты вышел в отставку, почему не пытался разыскать меня?

– Полагал, что слишком поздно, – ответил Ржевский, а сам силился вспомнить, кто же эта особа.

И вдруг его осенило. Ну конечно! Софи! Та самая барышня-брюнетка с книжкой. Всё уверяла, что читать романы – гораздо занятнее, чем крутить романы, но затем изменила мне-

ние. Случилось это незадолго до войны с Наполеоном. Июньские дни. Тенистый сад. Та самая брюнетка! Несомненно.

– Здесь, на балу дамы говорят, что у знаменитого поручика Ржевского разбито сердце, – вкрадчиво произнесла Софья. – Неужели в этом есть хоть капля правды?

– Конечно, есть. И больше, чем капля, – ответил Ржевский.

– А как же слухи о приключениях во Ржеве и окрестностях?

– А как мне развеивать тоску? Лечусь от печали, как умею.

Софья счастливо рассмеялась:

– Знаю. Ты всегда таким был. Но я всё равно хотела сердиться на тебя. Особенно когда слушала ту историю о купчихе. Но когда ты сказал, что твои чувства всегда бескорыстны и не покупаются серебром, я тебя простила.

Разговор прервался, потому что Ржевскому и его даме настала очередь исполнять очередную фигуру котильона. Софья танцевала очень увлечённо, а когда почти в полном изнеможении плюхнулась на ту же самую банкетку, то выглядела так, будто только что отдалась поручику. Грудь высоко вздымалась, а глаза смотрели перед собой и не видели, как если бы дама недавно возносилась к облакам и ещё не осознала, что снова находится на грешной земле.

Ржевский, глядя на неё, даже подумал о табачной трубке: когда дама удовлетворена, можно и закурить. Однако курить было всё же рано. Да, крепость готовилась сдаться, вывесила белый флаг, но осаду следовало считать завершённой лишь после того, как будут обговорены условия сдачи.

– Софи, а я ведь тоже обижен на тебя, – сказал Ржевский с напускной строгостью.

– За что?

– Ведь все знали, что я буду на этом балу. Так?

– Да.

– И ты знала?

– Да.

– Тогда почему не оставила мне ни одного танца?

– Я оставила тебе первый галоп, – ответила Софья. – Чья вина, что ты приехал на бал с опозданием?

Поручик ущипнул её за ягодицу так, что дама ойкнула, и с такой же строгостью сказал:

– Ты должна была оставить мне мазурку, но не оставила. Мне и котильон достался случайно. Кажется, вы меня совсем не любите, мадам Тутышкина. И на исцеление моего разбитого сердца в ваших объятиях мне можно не надеяться.

– Саша, что ты такое говоришь! – прошептала встревоженная Софья.

– Мне нужны доказательства вашей любви, – сказал Ржевский. – И сейчас же.

– Какие доказательства?

– Вы всё прекрасно понимаете, мадам, – уверенно сказал поручик, ведь всей России было известно, что Ржевский всегда намекает на одно и то же.

– Саша, я не могу.

– Софи, ты меня любишь?

Разговор снова прервался. Ржевский вместе с Софьей исполнил ещё одну фигуру котильона, а когда Софья опять села на банкетку, то со стороны могло показаться, что прошло не несколько минут, а много дней, в течение которых красавица успела много раз отдаться любовнику и почти надоесть ему. Грудь её снова вздымалась, но теперь от смятения, а взгляд сделался беспокойным, ищущим.

– Так что же, мадам? Жду вашего ответа, – Ржевский оставался всё таким же строгим.

– Доказательства будут после котильона. Я скажу мужу, что мне надо в дамскую комнату, а ты иди в библиотеку. Жди меня там. Я постараюсь незаметно прийти туда вслед за тобой. Жди.

– Софи, я готов ждать тебя всю жизнь... но не более часа.

* * *

Губернаторский дворец не был настолько большим, чтобы заблудиться, но Ржевский, кажется, обошёл все открытые комнаты уже в третий раз, но никак не мог найти библиотеку.

Книгами поручик никогда не увлекался и потому не представлял, где же эту библиотеку искать, чёрт побери. Может, она заперта? Но Софья уверяла, что князь Всеволожский склонен держать свою «сокровищницу» открытой.

Ржевский в очередной раз заглянул в зал, обитый деревом, где ещё недавно шла игра в карты, а сейчас почти никого не осталось. Танцы кончились, да и время давно перевалило за полночь, поэтому гости стали разъезжаться – прощались с четой Всеволожских и отбывали восвояси, так что в игорном зале задержались лишь несколько самых увлечённых господ, которые не обращали ни на кого внимания.

Поручик прошёл от дверей до самого дальнего окна и обратно, снова чертыхнулся про себя и уже собирался выйти, когда столкнулся с девицей, от которой, казалось, давно отвызался. Тасенька!

Поверх бального платья на ней был пуховый платок, прикрывавший горло, и в случае с любой другой особой поручик мысленно посетовал бы, что платком закрывается декольте, но здесь было решительно всё равно.

– Александр Аполлонович! – воскликнула Тасенька. – А я вас искала.

– Зачем это, Таисия Ивановна?

– Боялась, что вы уедете, не простившись со мной.

– Таисия Ивановна, – Ржевский старался говорить мягко, – я, конечно, очень уважаю вашего дядюшку, который пытается устроить вашу судьбу, но я вам ничего не обещал.

– Вы называли меня Тасенькой, – возразила девица.

– Когда?

– На банкете. Когда мне стало плохо.

Ржевский попытался вспомнить банкет. Может, и назвал...

– Нет, вы что-то напутали, Таисия Ивановна, – твёрдо произнёс поручик. – Я вас так не называл.

– Называли.

– Нет. Если что, можете спросить госпожу Тутышкину, которая сидела рядом и должна была всё слышать.

Тасенька на мгновение задумалась. Наверное, ей, как и всякой девице на выданье, было досадно, что возможный жених от неё ускользает. И она решила выместить досаду на Софье, к которой проявляла неприязнь и раньше – когда говорила, что у Софьи есть постоянный любовник, и что Ржевскому не на что надеяться.

– А вы не находите, Александр Аполлонович, – с расстановкой произнесла Тасенька, – что госпожа Тутышкина очень странная? Зачем она положила солонку в сумочку? Разве солонки принято брать на память? Я, когда это увидела, очень удивилась. Потому и подавилась: ахнула, а кусочек корзиночки поперёк горла встал.

«Ты сама мне уже поперёк горла», – подумал Ржевский. Разговаривать о пустых подозрениях в отношении Софьи ему не хотелось, и потому он решительно сменил тему:

– Не знаете, как пройти в библиотеку?

– В дядюшкину библиотеку? Зачем вам туда? Уже почти час ночи, гости разъезжаются.

Поручик, конечно, не мог назвать истинную причину, поэтому сказал:

– Я ещё в начале вечера хотел проверить, есть ли у вашего дядюшки книга э... – он попытался вспомнить редкого автора, – Лакло де Шодерло.

– Вы имели в виду Шодерло де Лакло? – осторожно спросила Тасенька, как будто извиняясь перед Ржевским, что вынуждена его поправить.

– А он точно не Лакло де Шодерло?

– Про Лакло де Шодерло я не знаю. – Тасенька пожала плечами. – Но если вы ищете Шодерло де Лакло, то у дядюшки, кажется, была такая книга... Правда, это сочинение на французском. Вы же не читаете по-французски.

Ржевский заговорил нарочито непринуждённо:

– Так это не мне, а приятелю моему. Я по его просьбе хотел позаимствовать книжку у вашего дядюшки.

– А почему вы к дядюшке не обратитесь?

Ржевский всё так же напускал на себя непринуждённость:

– Незачем его беспокоить, если книги у него нет. Я хотел сначала пойти в библиотеку, поискать нужное, а дальше, если найду, то обращаться.

– Что ж... – Тасенька плотнее закуталась в платок. – Я могу отвести вас в библиотеку и помочь найти книгу.

– Не утруждайтесь, Таисия Ивановна, – поручик произнёс это как можно любезнее. – Просто покажите, где библиотека.

– Мне совсем не сложно вам помочь, – настаивала девица. – К тому же я хорошо знаю, что за систему дядя в своей библиотеке выстроил, и в которых шкафах что искать.

Ржевский в мыслях опять чертыхнулся, а вслух проговорил:

– Вы очень любезны. – Изображать непринуждённость становилось всё сложнее.

Тасенька меж тем подошла к одной из запертых дверей, которые Ржевский проверил ещё в прошлое посещение игорного зала:

– Здесь не пройти, – сообщила она. – Значит, с другой стороны.

* * *

Тасенька провела поручика через балльный зал, где оставалась едва ли четверть гостей, а затем – ещё через несколько комнат, в которых никого не было, и уверенно приоткрыла некую двустворчатую дверь:

– Проходите, Александр Аполлонович, – громко сказала племянница губернатора. – Дядюшкина сокровищница – здесь.

Ржевский очень надеялся, что Софья ещё не пришла сюда, и что она не появится ещё четверть часа, ведь за это время он наверняка сумел бы что-нибудь придумать и выпроводить настырную Тасеньку, но, увы, Софья уже явилась.

К счастью, красавица была ещё и умницей, поэтому, как только услышала Тасеньку, поспешила спрятаться за спинку широкого кресла, стоявшего в дальнем углу.

Пока племянница губернатора осматривала шкафы со стеклянными дверцами, Софья, сидя на корточках, выглянула из своего укрытия и с недовольной миной уставилась на Ржевского. Будто спрашивала: «Вот для этого я здесь? За креслом сидеть?»

Поручик сделал ей знак, что сейчас всё устроится, но пока не знал, что предпринять.

– Почему-то не могу найти, – пожаловалась Тасенька, открыв один из шкафов и перебирая корешки, большинство которых было из тёмного холста и без всяких надписей.

Поручик молчал. Он изобретал предлог, чтобы отослать прилипчивую девицу, а самому задержаться и при этом быть уверенным, что та не станет караулить под дверью.

– А хотите, я вам книжку подберу? – вдруг спросила Тасенька. – Занятное чтение на русском.

– Я не охотник до чтения, – пробормотал Ржевский.

– Подождите отказываться, – девица с каждым мгновением всё больше воодушевлялась. Она подошла к другому шкафу, открыла его и почти сразу выудила оттуда тоненькую книжку в

тёмной обложке. – Вот случайно нашла у дядюшки. Советы для любителей амурных приключений.

Ржевский молчал, продолжая придумывать способ избавления от Тасеньки, а та, не дожидаясь ответа, открыла книжку и прочла титул:

– «Любовные утехы». Издание второе. – Видя, что собеседник не впечатлён, она перевернула несколько страниц и продолжила читать: – Ничего нет труднее и важнее, как избрание любовницы. Надлежит, чтобы оное происходило не по одной склонности, но и по знанию. Спокойствие любовника сильно с тем сопряжено. Надлежит ему знать все качества своей красавицы прежде, чем посвятить себя на её услуги.

Поручик слушал вполуха, но что-то в этих словах всё же зацепило. Подобные выражения Ржевский слышал разве что от стариков, заставших царствование Екатерины.

– Что? А ну-ка дайте, – сказал он, беря у Тасеньки книгу и глядя на титул. – Печатано в Москве 1780 года. Почти полвека назад! А написано и того раньше. Таисия Ивановна, вы полагаете, что наставления не устарели? Этой книгой, наверное, ещё дедушка ваш пользовался.

– Мой дедушка другой книгой пользуется, – ответила Тасенька. – Называется «Любовная школа». Но здесь я её не нашла.

Поведение девицы с каждой минутой становилось всё более опасным. Ржевский снова почувствовал над головой нависающую тяжесть свадебного венца.

– Знаете, Таисия Ивановна, – начал поручик, – если этот Лакло де Шодерло...

– Шодерло де Лакло.

– Да один чёрт! ...В общем, если этот Лакло куда-то задевался, то мы его в следующий раз поищем, а сейчас мне лучше откланяться. Время позднее, час ночи. Вам, Таисия Ивановна, давно пора спать.

Поручик взял Тасеньку под локоть и потащил к выходу, свободной рукой делая знаки Софье, чтобы осталась в библиотеке ждать.

Дойдя вместе с племянницей губернатора до дверей в балльный зал, Ржевский отпустил её, вежливо поклонился и чуть ли не бегом ринулся туда, где стоял князь Всеволожский с супругой. Чета как раз проводила очередного гостя, когда поручик подошёл к ним, чтобы попрощаться по правилам:

– Ещё раз благодарю за приглашение, – с поклоном произнёс он. – Бал во всех отношениях удался. Я, конечно, скромный помещик и не могу при случае оказать вам такой же великолепный приём, но если будете проезжать мимо деревни Горелово, что подо Ржевом, то милости прошу в любое время.

– А вы ещё долго будете в Твери, Александр Аполлонович? – спросил губернатор. – У нас послезавтра небольшой обед для друзей. Милости просим к трём часам.

– Благодарю-с... – поручик опять почувствовал тяжесть нависающего свадебного венца и задумался, нет ли благовидного предлога для отказа, но губернатор повторил ещё раз:

– Милости просим, – да таким тоном, что сразу стало понятно – отказаться никак нельзя.

– Непременно буду. – Ржевский поклонился хозяину дома, приложился к руке хозяйки, но тут увидел, что к нему протянута ещё одна рука. Тасенька!

Судя по всему, девица не удовлетворилась недавним прощанием в дверях. Пока Ржевский говорил с её дядюшкой, она успела сделать круг по залу и пристроиться за спинами губернаторской четы – там же, где и была в начале бала.

Поручик приложился и к этой руке, а затем поспешил к лестнице, как будто за ним кто-то гнался. Торопливо приняв из рук лакея свою шубу, он выскочил на крыльцо и начал оглядывать двор, едва освещённый тусклыми масляными фонарями.

Наконец среди множества карет и саней, вереницей движущихся мимо парадного подъезда, Ржевскому удалось разглядеть свои санки, в которых он и прибыл сюда. Санки были его

собственные, не извозчичьи, поэтому поручик кинул в них шубу так, чтобы казалось, будто в санях кто-то сидит, и велел вознице:

– Жди меня за воротами.

Ржевский ещё раз оглянулся, потому что от вездесущей Тасеньки можно было всего ожидать, и поспешил к боковому входу, находившемуся шагах в тридцати от главного.

Так поручик снова проник в здание и добрался до библиотеки.

Глава третья,

в которой герой выясняет, что на российский престол вози́ёл не тот император, которого ждали, и что везде полным-полно заговорщиков

Губернская гостиница, где остановился Ржевский в Твери, была совершенно такой же, как обычно бывают заведения подобного рода: здание в два этажа, тянувшееся по краю улицы. Первый этаж кирпичный, а второй – деревянный, со стороны фасада кое-как оштукатуренный и выкрашенный жёлтой краской. В первом этаже помещалась общая обеденная зала с закопчённым потолком, старыми обоями, старой мебелью и почти новым бильярдным столом, представляющим большое искушение для всех, кто склонен к игре на деньги. На втором этаже – длинный коридор с дверями, за которыми располагались комнаты для проезжающих.

Почти каждая комната имела лишь два окна, казалась тесной и ужасно неудобной. Единственное её достоинство состояло в том, что воздух был свеж – не как в обеденной зале, – но в этом же состоял и недостаток, ведь свежесть достигалась за счёт скрытых щелей: в окнах, двери, а иногда и в стенах. В зимнее время в такой комнате весьма прохладно, а если говорить правду, то чертовски холодно. Изразцовая печка в углу не спасает нисколько! Ведь хозяин гостиницы заботится не о том, как обогреть постояльцев, а о том, чтобы они чаще покупали дрова (сверх тех, которые полагаются в счёт оплаты за проживание) или приходили греться вниз и заказывали чай, что опять же служит обогащению хозяина.

– Мошенник! – это было первое слово, произнесённое Ржевским, когда он проснулся и тут же натянул одеяло по самый нос.

– А? Здеся я, барин, – отозвался из своего угла белобрысый Ванька, устроившийся на сундуке. В поездках Ванька исполнял при Ржевском должность и лакея, и кучера, и даже почтового голубя, доставляющего любовные записки в самые неприступные покои, а когда у тебя столько обязанностей, то невольно где-нибудь оплошаешь.

– Да не ты мошенник, а хозяин гостиницы, – проворчал Ржевский. – Совсем заморозил, сволочь.

Ванька в ответ только вздохнул, плотнее закутавшись в тулуп, и уставился в заиндевшие окна, за которыми уже давно рассвело.

Меж тем поручик, употребив всю силу воли, заставил себя откинуть одеяло и сесть на кровати.

– Ванька, одеваться! – велел он, хотя был уже в некотором роде одет: в стёганный халат малинового шёлка, слегка засаленный, а также в старые синие гусарские рейтузы и тёплые носки неопределённого цвета.

Неизвестно, что бы сказали дамы, узрев Ржевского в таком облачении, да ещё и небритым, но в подобном виде он дамам никогда не показывался. Быстро переодевшись, поручик сделался почти таким же, как вчера, когда блистал на балу. А после того, как Ванька принёс с первого этажа тёплую воду, чтобы барин побрился и почистил зубы, Ржевский стал совершенно таким же, как недавно, готовый пленять женские сердца.

Правда, именно сегодня никаких баталий с последующим пленением могло и не случиться. На сегодня был намечен только визит на квартиру к Петру Никодимову, к двенадцати часам. Адрес – на визитной карточке, которую этот господин торопливо вручил Ржевскому в то время, когда князь Всеволожский, поймав поручика в курительной комнате, вежливо, но настойчиво тащил свою добычу племяннице.

Ничего особенного от визита к Никодимову ждать не приходилось, но Ржевский всё же надеялся выяснить у этого нового знакомого адрес Софьи, чтобы заявиться к Тутышкиным, хоть и не был приглашён.

Конечно, вчера следовало спросить адрес у самой Софьи, но не получилось. Особенно во время свидания в библиотеке, которое, несмотря на назойливость Тасеньки, состоялось. А после свидания Софья в ужасе посмотрела на настенные часы, пробормотала что-то про мужа и вихрем полетела в сторону бального зала, напоследок глянув в стекло книжного шкафа, как в зеркало, а на Ржевского даже не оглянулась. Когда тут спрашивать адрес?!

Вспоминая вчерашнее, поручик спустился в обеденный зал по лестнице, которая своим скрипом оповещала хозяина гостиницы, стоявшего за прилавком в том же зале, что приближается новый источник обогащения. Однако в своих ожиданиях хозяин обманулся. «Господин офицер» не имел намерения заказывать ни водку, ни вино и вообще как-либо опохмеляться: спросил только чаю с сахаром и пирог с капустой, а затем расположился за одним из угловых столов так, будто собирался скоротать час-полтора, то есть сидеть долго и ничего более не заказывать.

Перед тем, как сесть за стол, Ржевский глянул на стену, где висел домик с кукушкой. Стрелки на потрескавшемся циферблате показывали время самое паршивое – слишком рано, чтобы отправляться куда-либо с визитом, но слишком поздно, чтобы предпринимать прогулку по городу, если в полдень намечен визит. Значит, предстояло просидеть за чаем довольно долго, предаваясь воспоминаниям и размышлениям.

Почти сразу, как половой принёс поручику дымящийся чайник, сахар на блюдечке, пирог на тарелке, вторую тарелку, приборы и две чашки, к столу подсел Ванька, громко шмыгнул носом и сглотнул слюну. Ржевский великодушно отрезал от пирога половину и подвинул ножом в сторону слуги, а Ванька не заставил себя упрашивать. Схватил отрезанное, переложил в свободную тарелку и сосредоточенно принялся отламывать кусок за куском, отправляя в рот. Самому поручику есть пока не хотелось, как и пить, поэтому он молча наблюдал за слугой и за несколькими незнакомыми господами, находящимися сейчас в зале.

– А я тут видел, как важный чин приехал, – не прекращая жевание, сообщил Ванька. – Я комнату запираю и вижу, как в соседнюю дверь вносят чемоданы и сундук. Чемоданы хорошие такие и сундук добротный. Да и комната там побольше нашей. «Кто ж приехал?» – спрашиваю. А мне: «Не твоего ума дело». Ну, я сразу подумал, что постоялец важный. Спросил сейчас полового: «Кто ж приехал?» А половой и говорит: «Чиновник. Из самого Петербурга! С секретным предписанием». Вона как, барин! Вот с кем мы теперь соседствуем.

– Да нам-то что за дело, – пробормотал Ржевский. – Предписание это до нас не касается.

* * *

Расписные санки, запряжённые серым в яблоках рысаком, мчались по невысокому, почти пологому берегу Волги, совершенно замётённому снегом. Берег этот именовался набережной, хотя домов здесь было совсем мало и большинство из них – деревянные избы в три окна.

Санки, направляемые Ванькой, подъехали к одному из немногих больших строений – двухэтажному зелёному дому с колоннадой по фасаду, смотревшему в сторону реки, – и остановились у кованых ворот.

– Эй, борода! Открывай! – крикнул Ванька дворнику, который неторопливо подметал снег перед домом. – К твоему барину гость приехал.

– Какому барину? – спросил дворник, глянув на санки и продолжая своё дело.

– Как «какому»? К Никодимову, – ответил Ванька.

– Нет у меня барина, – возразил дворник. – Есть барыня. А Никодимов у неё комнаты снимает. И он мне не барин.

– Всё равно открывай! А то барыне твоей пожалуемся! – крикнул Ванька.

– А барыни дома нету, так что не пожалуетесь, – пробурчал дворник, но ворота открыл. Ржевский, кутаясь в шубу, проворно поднялся из санок и взбежал на крыльцо, однако пришлось громко и довольно долго стучать прежде, чем поручика впустили в дом.

Дверь открыл какой-то старый лакей с большими седыми бакенбардами, каждая из которых была, как борода.

– К Никодимову. Ржевский Александр Аполлонович, – коротко произнёс поручик, кинув на руки лакею свою шубу, но пока этот слуга ходил докладывать, пришлось постоять в просторной передней, где паркет устлан толстыми коврами, а подоконники уставлены геранью.

Затем настало время подняться – по широкой, поскрипывающей деревянной лестнице – на второй этаж, но и там не сразу состоялась встреча. Другой лакей, молодой и, судя по всему, служивший самому Никодимову, а не хозяйке дома, проводил Ржевского в кабинет и оставил одного:

– Барин сейчас будет.

При виде обстановки кабинета поручик опять, как вчера на балу, испытал смущение, которое чувствует провинциал перед столичными франтами. У Ржевского, как у всякого помещика, в усадьбе имелась комната, которую он звал кабинетом, но... окончание этой мысли казалось проще выразить тяжёлым вздохом, чем словами. Мебель в том «кабинете» была старая и разномастная: стол из одного гарнитура, шкаф – из другого, и не нашлось бы даже пары одинаковых стульев – все разные. Ковры погрызены мышами и потёрты, картины на стенах – бумажные, засиженные мухами, а потолок – давно не белый, что-то среднее между серым и жёлтым.

Правда, если не иметь перед глазами других примеров, то кабинет Ржевского казался уютным в том смысле, как слово «уют» понимают убеждённые холостяки: каждая вещь находилась на месте, порой странном, но строго определённом. К примеру, курительная трубка, воткнутая в рот кабаньей головы, висящей на стене, и кисет с табаком, повешенный рядом с трубкой – на клыке того же кабана. А ещё – гитара, томно лежащая в углу дивана, на которой Ржевский давно дал себе слово выучиться играть, но находил время лишь раз в месяц, в минуты особой скуки. Наконец, с краю стола валялась колода карт, которую поручик использовал для «гадания»: перетасовывал, раскрывал веером – разумеется, рубашкой к себе – а затем наугад вытаскивал червовую даму, и почти всегда удачно. Гости, видевшие этот фокус, полагали, что колода краплёная, но Ржевский при таких словах делал обиженное лицо.

В остальном «кабинет» поручика был самым обычным, и даже дворовая девка Полуша, всегда с особой тщательностью вытиравшая там пыль, не могла сделать его лучше. Иное дело – кабинет Никодимова! Даже если бы там не вытирали пыль полгода, это место и тогда не потеряло бы своего блеска.

Все кресла одинаковые. Куда ни посмотри – подлокотник в виде лебедя с выгнутой шеей. Диван – такой же. И на ножке маленького круглого столика в углу – те же длинношеие птицы. Даже большой письменный стол, как оказалось, имел пятую ногу по центру, которую подпирали такие же лебеди.

Помнится, в Париже Ржевский видел похожий гарнитур, но не с лебедями, а с ангелочками. И изделия из белого мрамора тоже казались как будто знакомыми: бюст некоего господина в парике, стоящий на высокой подставке возле окна, и голова безбородого старика с ехидной улыбкой, стоящая на письменном столе.

Рядом с головой лежала довольно большая стопка журналов, очевидно, вышедших в Петербурге. Бронзовое пресс-папье, которым была придавлена стопка, всё же не скрывало надписи на обложке самого верхнего – «Полярная звезда», но Ржевскому это название ровным счётом ничего не говорило.

– Интересуешься? – раздался голос Никодимова.

Значит, дверные петли в этом доме смазывались хорошо, если поручик не слышал, как скрипнули двери в спальню. Хозяин кабинета, на этот раз в бордовом фраке, вышел из спальни и двинулся навстречу гостю.

– Прости, что заставил ждать, – продолжал Никодимов, проходя к письменному столу и протягивая Ржевскому руку для пожатия. – Я за делами совсем позабыл, что с утра остался в домашнем халате. А тут Прошка докладывает, что ты здесь. Пришлось бежать переодеваться. Не так уж близко мы знакомы, чтобы мне принимать тебя по-домашнему.

– Пустяки, – ответил Ржевский, улыбаясь. Он помнил, что собирался выведать здесь адрес Софьи, но начинать разговор с этого не следовало. А о чём же говорить? Кажется, вчера Никодимов обещал рассказать петербургские новости. Вот и пусть болтает.

– Как дела в Петербурге? – непринуждённо спросил поручик.

– В Петербурге... – немного растерянно повторил Никодимов, жестом приглашая гостя присесть на диван и садясь рядом. – Такие события! Даже не знаю, с чего начать.

– Начни с главного, – ответил Ржевский.

– С главного? – ещё более растерянно произнёс Никодимов. – Ах, Александр, тут новости такого свойства... – Он замолчал.

Поручик понимал, что разговор не складывается, но нельзя было уехать, не спросив о Софье, а о ней следовало спрашивать не сразу. Так что пришлось решиться на авантюру и заговорить о том, о чём собеседник охотно рассуждал вчера, но поддерживать подобную тему Ржевскому всегда было трудно:

– А как дела на литературном фронте? – Поручик невольно посмотрел в сторону письменного стола, пытаясь вспомнить название только что виденного журнала. – Напечатали что-нибудь, достойное внимания?

– О! Понимаю, о чём ты, – сразу оживился Никодимов. – Ведь издатели «Полярной звезды» обещали снова порадовать публику в декабре, но увы.

– Что же помешало? – спросил Ржевский.

Никодимов опять взглянул на него растерянно, а затем собрался с духом и произнёс почти по слогам:

– Междоусобица.

– Что? – не понял Ржевский.

– Дружище, – торопливо продолжал хозяин кабинета, – я приехал с этой новостью в Тверь, но говорю тебе первому.

Поручик насторожился, а Никодимов спросил:

– Как давно здесь узнали, что государь Александр Павлович скончался?

– Кажется, ещё в начале декабря.

Помнится, Ржевский, узнав о смерти императора, подумал: не попроситься ли снова на службу. Туманную историю с прошением об отставке, которое поручик не подписывал, при новом императоре не стали бы вспоминать. Однако, судя по выражению лица Никодимова, на пути к возвращению в армию могло возникнуть препятствие.

– Никто в Твери ещё не знает, – сказал Никодимов страшным шёпотом, – что Константин Павлович, которому все здесь уже, конечно, присягнули, не захотел принять престола.

– А кто же станет государем? – ещё больше насторожился поручик.

– Возможно, не будет никакого государя.

– А кто же будет?

– Диктаторы – четверо или пятеро достойных людей. Они возьмут в свои руки управление государством до того, как соберётся учредительное собрание, которое решит дальнейшую судьбу России.

Ржевский вдруг отчего-то заподозрил, что его вовлекают в заговор против монархии. Однако уверенности не было, ведь заговорщики не ездят на балы и не обсуждают своих наме-

рений с первым встречным. Они собираются в тесный круг избранных, сидят в комнате с занавешенными окнами и обсуждают коварные планы.

– Экая фантазия! – воскликнул поручик. – Полагаю, что идею с диктаторами не позволит осуществить армия.

– В войсках – брожения, – многозначительно произнёс Никодимов. – Поэтому всё возможно.

Они говорили ещё некоторое время, как вдруг в кабинет вошёл лакей Прошка и доложил:

– Пётр Петрович, к вам жандармы пришли. Просят принять.

Никодимов вскочил с дивана, с каждым мгновением всё больше бледнея.

– Какие ещё жандармы?

– Офицер с солдатами, – ответил Прошка.

– Скажи им, что я не принимаю!

Прошка хотел было уйти, но затем, вспомнив о чём-то, замялся:

– Господин офицер просили передать, что никуда не уйдут и будут ожидать, ежели барин принять не захочет.

– Тогда пусть подождут, – срывающимся голосом велел Никодимов. – У меня посетитель.

Однако, как только лакей удалился, Никодимов уже не обращал на посетителя внимание. Хозяин кабинета кинулся к ящикам шкафа, отпер их, сгрёб в охапку часть бумаг, которые там были, побежал к изразцовой печи в углу, открыл дверцу и сунул внутрь всю кипу столь торопливо, что часть листов осталась лежать на металлическом подносе под дверцей.

Ржевскому опять отчего-то подумалось, что Никодимов – враг монархии. Но мало ли зачем нужно жечь личный архив! А может, это переписка с дамами, которую жандармам лучше не читать.

Сидя на диване, поручик молча наблюдал, как Никодимов выгреб из ящиков новую кучу бумаг и снова бежит к печке. Добра, которое требовалось сжечь, оказалось много, а зев был узкий, так что даже первая порция никак не желала пролезать, а вторая и подавно. Но Никодимов, казалось, этого не замечал. Он метнулся к столу, и на этот раз пришла очередь петербургских журналов, лежавших под пресс-папье. Сложив их трубкой, хозяин кабинета несколько раз ткнул ими в кучу бумаг, застрявших в печном зеве, как тараном в ворота, надеясь наконец пропихнуть всё внутрь печи.

– Пётр, да вот же кочерга рядом, – заботливо подсказал поручик.

Больше он ничего сказать не успел. Двери в спальню, из которых не так давно Никодимов выходил навстречу гостю, резко открылись. На пороге появился незнакомый господин в распахнутой шубе, под которой виднелся тёмно-зелёный мундир.

– Ага! – победно воскликнул незнакомец, коршуном нависая над Никодимовым, стоявшим на коленях возле печки. – Так я и думал! Уничтожение компрометирующих бумаг!

Он протянул руку и почти без труда вытащил из печи всё, что хозяин кабинета надеялся сжечь. Бумаги почти не пострадали – лишь края некоторых листов свернулись и почернели.

В следующее мгновение открылись другие двери, через которые входил в кабинет Ржевский, и в них появился Прошка, а за ним, проталкивая его вперёд, – усатый офицер в светло-синем мундире и рейтузах с жёлтыми лампасами. Ещё несколько рядовых в таких же светло-синих мундирах толпились позади.

– Что всё это значит? – с нарочитым возмущением спросил Никодимов. – Почему вы врываетесь? – последний из двух вопросов был обращён к усатому офицеру. – А вы как здесь оказались? – это уже относилось к грозному господину в зелёном мундире. – Прошли через чёрный ход?

– Барин, это не я пустил! Христом Богом клянусь! – завопил Прошка, услышав о чёрном ходе.

Незнакомец в зелёном мундире начал по-хозяйски осматривать кабинет.

– Вы, господин Никодимов, полностью себя выдали, – проговорил он. – Я нарочно послал жандармов с главного входа, чтобы посмотреть, как вы примете новость об их приходе. А сам проник с чёрного хода...

Ржевский, устав быть немым свидетелем, вскочил с дивана:

– Господа, прошу вас: объясните, что здесь происходит.

– Здесь происходит арест, – ответил незнакомец в зелёном мундире.

– А кто арестован? И за что?

– Арестован господин Никодимов как возможный участник заговора против государя императора Николая Павловича.

«Значит, всё-таки заговорщик, – удивился Ржевский. – Не может быть!» Однако не только это озадачивало.

– А почему Николая Павловича? – спросил поручик. – Почему не Константина Павловича?

– Вас это интересует? – осведомился незнакомец.

Ржевский задумался и понял, что его на самом деле весьма мало заботит, кто из младших братьев покойного государя Александра Павловича в итоге воссел на трон.

– Нет, я, по правде говоря, просто так спросил.

– Это хорошо. – Незнакомец улыбнулся. – А то в Петербурге заговорщики, которые стояли на Сенатской площади², настоятельно вопрошали: «Почему не Константин? Почему не Константин?» – Незнакомец в зелёном мундире как будто спохватился и оборвал сам себя: – Короче говоря, междуцарствию конец. В Петербурге все уже присягнули.

«Значит, прошение о возвращении в армию надо слать на имя Николая», – подумал Ржевский.

– А вы, кстати, кто такой? – взгляд незнакомца сделался очень цепким.

Поручик назвалсЯ и коротко поклонился – с достоинством и без подобострастия.

– Тот самый Ржевский? – у незнакомца даже брови слегка приподнялись.

– Да-с. Тот самый. А с кем я имею честь говорить?

Ответ прозвучал, будто через силу:

– Тайницкий Иван Иванович.

– Служите в Министерстве внутренних дел? – спросил поручик, приглядываясь к зелёному мундиру.

– Именно, – всё так же нехотя ответил чиновник, но должность свою не назвал, а затем добавил, будто желая сменить тему: – Вы пока не арестованы, но всё же мы с вами обстоятельно побеседуем. Ржевский-бунтовщик – это был бы скверный анекдот.

После этого Тайницкий уже не обращал внимания на поручика, продолжая осматривать обстановку.

– Та-а-ак! – произнёс он, глядя на мраморный бюст господина в парике. – Руссо собственной персоной. А это кто у нас? – Он посмотрел на голову ехидного безбородого старика на столе. – Вольтер! Неплохая компания вольнодумцев здесь собралась.

«Так вот это кто!» – подумал Ржевский. А голову ехидного старика он, кажется, видел ещё и в библиотеке губернатора, за стеклом одного из шкафов.

Наконец Тайницкий повернулся к офицеру в светло-синем мундире:

– Алексей Алексеевич, бери-ка этого Никодимова и в камеру. Все бумаги, что здесь есть, собери и ко мне в кабинет.

И тут до Ржевского дошло: «Если Никодимова сейчас арестуют и увезут, то у кого же узнать адрес Софьи?!» Больше никаких знакомых, у которых можно спросить, где живут

² В России того времени был другой календарь, жили «по старому стилю», то есть восстание декабристов, о котором идёт речь, случилось не вчера, в день бала (26 декабря), а почти две недели назад – 14 декабря.

Тутышкины, у поручика не было. Не считая губернатора. Но губернатор, стремившийся пристроить Тасеньку, а не потворствовать амурным похождениям Ржевского, вряд ли стал бы отвечать.

Оставалась слабая надежда выведать адрес, пока Никодимова не заперли. Можно было спросить что-то вроде: «Пётр, не хочешь ли передать что-нибудь знакомым в городе? Например, Тутышкиным».

Однако на Никодимова уже накинули шубу и выводили прочь, окружённого жандармами. Ни словом не перекинуться!

– Иван Иванович, – обратился Ржевский к Тайницкому. – А может, не будем откладывать беседу, которую вы намеревались со мной провести? Я в Твери всего на несколько дней и остановился в гостинице, а хозяин – такой мошенник! Дерёт втридорога! Поэтому, если я чист перед законом, то не хотел бы задерживаться в городе. Готов хоть сейчас ехать в полицейскую часть – ведь кабинет у вас там? – и ответить на ваши вопросы. Мне скрывать нечего.

– В самом деле, – отозвался Тайницкий. – Нечего с этим тянуть. Вы едете с нами.

Теперь Ржевский получил предлог, чтобы пойти следом за Никодимовым. Однако опять опоздал: слишком долго забирал свою шубу у лакея, а в это время арестованный уже уселся в большие сани Тайницкого. И вокруг опять стояли жандармы – не подобрёшься.

Теперь оставалась лишь одна надежда – что удастся перекинуться парой слов при входе в полицейскую часть. Ржевский сел в свои санки и ждал, когда все отправятся в дорогу. К новым сюрпризам он не готовился, но стоило Тайницкому появиться на крыльце, как Ванька, слуга поручика, вдруг встрепенулся:

– Барин, – обернулся он к Ржевскому, – так это же тот самый чиновник из гостиницы.

– Какой чиновник?

– Ну, который из Петербурга с секретным предписанием.

«Теперь оно до меня тоже касается», – подумал поручик.

* * *

Какой же русский не любит быстрой езды! Но если едет он туда, где не надеется приятно провести время (например, в гости к скупому дядюшке или в полицейскую часть на допрос), то быстрая езда совсем не радует. Вот и Ржевский, следуя в своих санках за санями Тайницкого и конными жандармами, желал, чтобы лошади бежали помедленнее, и тогда удобнее стало бы смотреть по сторонам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.